

18+

АЛЕКСАНДР ХАРОНОВ

ПРОЕКТ
ХРИСТА

РОМАН О ЧЕЛОВЕКЕ,
КОТОРЫЙ СОЗДАЛ НЕ РЕЛИГИЮ,
А ЛЮДЕЙ, СПОСОБНЫХ БЫТЬ СВОБОДНЫМИ

Александр Харонов

Проект Христа

<https://litres.ru/74465313>

ISBN 9785007122283

Аннотация

Что, если Христос был не богом, а человеком, который искал свободу внутри самого себя и учил этому других? Солдат, переживший странное видение, пишет роман о его жизни — и постепенно перестаёт понимать, где заканчиваются его собственные воспоминания. Но главное наследие Христа — не чудеса и не проповеди. Его настоящий проект — двенадцать учеников, которым предстоит понести его идеи дальше.

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1. Начало	32
Глава 2. Новые люди	62
Глава 3. Матвей	83
Глава 4. Креститель	116
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Проект Христа

Александр Харонов

Иллюстрации ChatGPT

Оформление обложки ChatGPT

© Александр Харонов, 2026

ISBN 978-5-0071-2228-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от автора.

Что, если история Христа была совсем иной?

Это не пересказ Евангелия и не попытка опровергнуть его. Это философский роман, в котором Иисус предстаёт прежде всего человеком — Учителем, ищущим не поклонения, а свободы.

Ему предстоит пройти путь от первых учеников до Голгофы, встретиться с Иудой, Пилатом и Каифой, увидеть человеческую слабость, власть, зависть и любовь. Но главное его творение — вовсе не чудеса. Его главный проект — люди, которым однажды предстоит продолжить путь уже без Учителя.

«Проект Христа» — это роман о свободе, ответственности и выборе, который каждому человеку приходится делать самому.

ПРОЛОГ

Сначала был звук. Не взрыв. Не выстрел. Звук, похожий на то, будто небо разорвали пополам. Потом пришла тишина.

Я открыл глаза и увидел над собой серое небо. Оно качалось из стороны в сторону. Где-то рядом кричали люди. Кто-то звал медика. Кто-то молился. Кто-то просто орал от боли.

Я попытался подняться, но тело не слушалось. Лицо было мокрым. Кровь. Не моя или моя — я тогда не понял. Надо мной склонился человек в каске.

— Живой! Этот живой!

Меня куда-то потащили. Потом все исчезло.

Следующее, что я помню, — белый потолок. Я лежал на койке. Пахло лекарствами и чем-то горелым. Рядом сидела медсестра.

— Очнулся, — сказала она кому-то за дверью.

Через минуту появился врач. Он посветил мне в глаза фонариком.

— Как себя чувствуешь?

Я долго смотрел на него. Потом спросил:

— Сколько меня не было?

— Почти две недели.

Я кивнул. Две недели. Странно. Мне показалось, прошло

больше тридцати лет. Врач усмехнулся.

— Такое бывает после тяжелой контузии.

Я посмотрел на свои руки. Они были моими. Но одновременно чужими. Будто я только что вернулся откуда-то очень издалека.

— Доктор...

— Да?

Я помолчал.

— Я знаю, кем был. Там...

Он переглянулся с медсестрой.

— И кем же?

— Христом.

В палате стало тихо. Настолько тихо, что я услышал писк монитора у соседней кровати.

Врач вздохнул.

— Ну конечно.

— Нет. Вы не понимаете.

— Отдыхайте.

— Я прожил всю его жизнь.

Он уже собирался уходить.

— От рождения до смерти.

Врач остановился.

— Сон?

— Нет.

— Галлюцинация?

— Нет.

— Тогда что?

Я посмотрел в окно. За стеклом шел дождь. Такой же дождь я видел много лет назад. Или две тысячи лет назад. Теперь уже трудно сказать.

— Я не знаю, — ответил я. — Но я помню все.

Врач покачал головой.

— Запомните одну вещь. После травм люди иногда видят удивительные вещи.

— Возможно.

— И обычно они проходят.

Я улыбнулся.

— Боюсь, доктор, это не пройдет.

— Почему?

Я посмотрел ему прямо в глаза.

— Потому что я до сих пор помню, как меня прибивали к кресту.

Он ничего не ответил. Просто вышел из палаты. А я остался лежать и смотреть в потолок. Мне никто не верил. Честно говоря, я и сам себе не верил. Но история никуда не исчезала. Она ждала. И если вы готовы слушать, я расскажу ее с самого начала. Не как бог. Не как святой. Не как чудотворец.

А как человек, которого однажды звали Иешуа.

К реке я пришел под вечер. Люблю это время. Днем люди заняты делами и разговорами. Ночью заняты сном. А вечером будто ненадолго вспоминают, что живут. Солнце уже

касалось горизонта.

Я искал уединенное место, чтобы побыть наедине с закатом и со своими мыслями, но берег был буквально оккупирован множеством рыбаков. По-видимому, день был не особо удачный для ловли рыбы, так как несмотря на спускавшиеся сумерки, они не расходились, видимо надеясь, что хоть к концу дня, но что-то поймается...

Вздыхнув, я выбрал место посвободнее, где было поменьше людей и сел на камень. Рядом сидел молодой рыбак и распутывал сеть. По его лицу было видно, что день выдался не то, что неудачным, но просто отвратительным.

Я сел неподалеку.

Некоторое время мы молчали.

— Если пришел порыбачить, то выбрал плохой день, — наконец сказал он.

— Почему?

— Потому что сегодня река решила оставить меня без ужина.

— Тогда это плохой день для тебя. А я тут ради заката, и думаю, что закат тут ни при чем.

Он посмотрел на меня так, будто не мог решить, смеяться или послать меня подальше.

Вместо ответа, он фыркнул. Несколько минут мы снова молчали. Я смотрел на воду. Он возился с сетью.

— Ты рыбак? — спросил я.

— Нет. Просто люблю целыми днями сидеть в лодке для

развлечения.

— Значит, рыбак.

— Да.

— И давно?

— Кажется, что всю жизнь.

Я покачал головой.

— Всю жизнь — это слишком громко сказано.

— Что?

— Тебе сколько лет?

— Не знаю точно. Ну, допустим, двадцать. Может чуть больше.

— Тогда ты прожил меньше трети своей жизни и уже говоришь «всю жизнь».

Он нахмурился.

— А что мне еще делать? Отец рыбак. Его отец был рыбаком. Я тоже рыбак.

— Значит, твой путь уже определен?

— Нет.

Он сказал это так поспешно, что я улыбнулся.

— Нет?

— Конечно нет. Я еще молодой.

Он бросил сеть на землю.

— У меня впереди полно времени. Кто знает, что будет через десять или двадцать лет? Может, я стану богатым. Может, открою свое дело. Может, вообще уеду отсюда.

Я посмотрел на него.

— А ты уверен, что у тебя впереди полно времени?

Он замолчал.

— Что за вопрос?

— Самый обычный.

— Конечно уверен.

— Почему?

— Потому что...

Он осекся.

— Потому что что?

Ответа не было. Мы оба это понимали. Наконец он пожал плечами.

— Потому что я молодой.

— Молодость не обещание.

Он нахмурился еще сильнее.

— А ты я смотрю умеешь поддержать.

— Нет.

— Заметно.

Я рассмеялся. Он пытался злиться, но получалось плохо.

— Послушай, как там тебя зовут?

— Андрей.

— Очень приятно, меня Иешуа звать. Так вот, послушай Андрей. Молодые люди, вроде тебя, любят говорить: «У меня еще вся жизнь впереди».

— И что?

— Обычно это говорят те, кто собирается начать жить завтра.

Он отвел взгляд. Попал. Я видел это по лицу.

— А когда наступает завтра? — спросил я.

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Но обычно завтра не наступает никогда. Всегда только сегодня.

Ветер прошелся по воде. Солнце почти исчезло.

— Знаешь, что самое странное?

— Что?

— Люди боятся меняться в старости.

— И правильно делают.

— Но по моим наблюдениям, труднее всего меняются не старики.

— А кто?

— Молодые.

Он усмехнулся.

— Это глупость.

— Почему?

— Потому что молодые могут все.

— Нет.

Я покачал головой.

— Молодые думают, что могут все. Это разные вещи.

Он снова замолчал.

— Старик знает, что его привычки сильны.

— А молодой?

— Молодой уверен, что изменится, когда захочет.

Я поднял с земли камешек и бросил в реку.

— Поэтому он откладывает это на завтра. Потом на следующий год. Потом еще на один.

— И что дальше?

— А дальше однажды обнаруживает, что прожил жизнь человека, которым никогда не собирался становиться или оставаться им.

Андрей долго смотрел на воду.

— Ты говоришь неприятные вещи?

— Только когда они правдивы.

— Откуда ты вообще взялся?

Я улыбнулся.

— Хороший вопрос.

— И?

— Я ищу на него ответ уже много лет.

Впервые за весь разговор он рассмеялся. И я заметил, что злость наконец ушла с его лица. Не потому, что день стал лучше. Не потому, что в сети появилась рыба.

Просто на несколько минут он перестал спорить с жизнью и начал думать о ней.

Он долго смотрел на меня так, будто хотел доказать, что я не прав.

— Ты говоришь странные вещи, — наконец сказал он. — Но это не так.

— Не так?

— Люди меняются. Когда захотят.

Я кивнул.

— Конечно.

— Ты не веришь?

— Верю.

Он оживился.

— Вот. Значит, ты сам понимаешь.

— Я понимаю, что ты в это веришь.

Он нахмурился.

— Это одно и то же.

— Нет?

Я посмотрел на реку. Вода темнела с каждой минутой.

— Скажи, Андрей... ты умеешь ходить по воде?

Он усмехнулся.

— При чем тут это?

— Просто ответь.

— Нет, конечно.

— А если очень захочешь?

— Это глупый вопрос.

— Почему?

Он замолчал.

— Потому что это невозможно.

— Вот.

Я посмотрел на него.

— А теперь скажи: изменить себя ты считаешь проще?

Он хотел ответить сразу. Но не ответил. Я продолжил:

— Я видел много людей, которые говорили то же самое,

что и ты.

Он нахмурился.

— И что с ними?

— Ничего особенного.

Я пожал плечами.

— Они просто продолжали быть теми, кем были.

— Это не значит, что они не пытались.

— Конечно пытались.

Я кивнул.

— Но пытались так, как человек пытается перестать быть голодным, просто сказав себе: «Я больше не голоден».

Он резко выдохнул.

— Ты сравниваешь это с голодом?

— Почему бы и нет?

Я посмотрел на него.

— Потому что то, что ты называешь «измениться», уже внутри тебя. Это не одежда, которую можно снять.

Он бросил взгляд на сеть, потом снова на меня.

— Тогда что это?

— Это способ смотреть на мир.

Он фыркнул.

— И что, его нельзя поменять?

— Можно.

Я кивнул.

— Но не так, как ты думаешь.

Он наклонился ближе.

— А как?

Я помолчал.

— Тебе придется перестать считать свой взгляд единственно правильным.

Он усмехнулся.

— Это легко.

— Нет.

Я покачал головой.

— Это почти как начать ходить по воде.

Он замер. Смех исчез с его лица.

— Ты опять про это?

— Да.

— Ты специально?

— Нет.

Я вздохнул.

— Просто есть вещи, которые кажутся простыми только пока ты их не попробовал.

Он опустил взгляд. Ветер прошел по берегу.

— Значит, я обречен быть рыбаком?

— Нет.

Я посмотрел на него прямо.

— Ты не обречен.

— Тогда почему ты говоришь так, будто всё уже решено?

— Я не говорю, что решено.

— А что?

— Я говорю, что почти никто не меняется так, как себе

обещает. Шансы есть, но они невелики.

Он сжал сеть в руках.

— Это жестоко.

— Возможно.

Я не стал спорить. Он долго молчал. Потом тихо спросил.

— И как ты видишь мою жизнь?

Я не сразу ответил, потому что это был опасный вопрос. Не для него. Для меня.

— Ты будешь возвращаться сюда, — сказал я наконец. — И ловить рыбу. Иногда удачно, иногда нет. Ты будешь злиться на воду и на себя. Потом женишься. У тебя будут дети. И ты будешь говорить им, что жизнь трудная, но честная. Далее — состаришься и умрешь. Или, может даже никогда и не доживешь до старости, например, утонешь, пытаясь наловить больше рыбы.

Он слушал молча.

— И я так проживу? В моей жизни не будет ничего интересного и неожиданного?

— Да.

— И всё?

Я пожал плечами.

— Большинство людей называют это «всё».

Он отвел взгляд. Впервые за вечер в нем появилось что-то другое. Не злость, не упрямство, а сомнение.

— А у тебя иначе?

Я улыбнулся.

— По правде говоря, я даже не знаю, куда иду.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Но ты же не рыбак.

— Нет.

— И не живешь как мы.

— Нет.

— Тогда кто ты?

Я поднялся.

Закат почти догорел.

— Я просто иду, куда глаза глядят, смотрю на людей, изучаю мир.

— Бродяга, значит. Так куда ты идешь, бродяга?

Я посмотрел на темнеющую воду.

— Туда, где меня еще не знают.

Он хотел что-то сказать, но не сказал. А я уже понимал, что он пойдет за мной. И не потому, что его кто-то звал. А потому что впервые за долгое время он увидел, что его жизнь — не единственный возможный путь.

Я уже собирался уходить, когда услышал за спиной:

— Подожди.

Я обернулся. Андрей стоял возле своей сети.

— Что?

Он несколько секунд молчал. Будто сам не понимал, зачем окликнул меня. Потом спросил:

— Можно с тобой?

Я улыбнулся.

— Конечно.

Он явно ожидал другого ответа.

— И всё?

— А что еще?

— Не знаю. Обычно люди начинают задавать вопросы.

— Какие?

— Кто я? Откуда? Что умею?

— Если захочешь, сам расскажешь.

Он недоверчиво покачал головой.

— И ты просто возьмешь меня с собой?

— Возьму.

— Даже если я ничего не умею?

— Рыбу ловить умеешь.

— Это бесполезный навык для странника.

— Не скажи.

Я поправил дорожную сумку.

— Только не жди легкой дороги.

— Почему?

— Потому что это дорога странника. Не везде принимают, не везде привечают.

Я усмехнулся.

— Если бы я знал, куда приду через год, мне было бы намного спокойнее.

— Это должно меня ободрить?

— Нет.

— Хорошо, что ты честно предупреждаешь.

Я рассмеялся. Он посмотрел на сеть. Потом на реку. Потом снова на меня. И вдруг начал складывать снасти. Без спешки, без пафоса, будто принимал решение, которое зрело уже давно.

— А семья?

— Что семья?

— Они будут волноваться.

Он пожал плечами.

— Будут.

— И что ты им скажешь?

— Правду.

— Какую?

Он задумался.

— Что не хочу больше жить так, словно каждый следующий день ничем не отличается от предыдущего.

Я внимательно посмотрел на него. Возможно, именно в эту минуту он и сделал свой выбор. Не тогда, когда попросился идти со мной. Не тогда, когда сложил сеть. А когда впервые произнес это вслух.

Солнце окончательно исчезло за горизонтом.

Стало прохладно.

— До ближайшей деревни далеко? — спросил Андрей.

— Часа два пешком, я полагаю.

— И куда мы идем?

— В сторону Капернаума.

— Что ты там будешь делать?

— Просто так мне захотелось.

Он уставился на меня.

— Ты идешь через пол-Галилеи просто так?

— Пока да.

— Ты точно нормальный человек?

— А кто по-твоему называется нормальным человеком?

Он покачал головой.

— Я уже начинаю жалеть.

— Рано.

Мы пошли по тропинке вдоль берега. Через некоторое время Андрей спросил:

— У тебя хоть еда есть?

Вместо ответа я снял с плеча сумку. Достал лепешку, несколько сушеных фиников и маленький кусок соленой рыбы.

— Немного.

— И ты всё это время молчал?

— Ты не спрашивал.

— Я с утра почти ничего не ел.

— Теперь спрашиваешь.

Мы свернули с дороги и остановились возле группы деревьев. Ночь уже опускалась на землю. Я собрал сухие ветки. Андрей помог разжечь костер.

Некоторое время мы сидели молча. Ели хлеб. Смотрели на огонь. Пламя потрескивало. Где-то в темноте стрекотали

насекомые.

— Знаешь, — сказал наконец Андрей, — утром я думал только о том, как поймать рыбу.

— И что теперь?

Он долго смотрел на костер.

— А теперь мне кажется, что сегодня я поймал что-то другое.

— Осторожнее.

— Почему?

— Обычно именно с этой мысли начинаются самые большие неприятности.

И Андрей впервые за вечер рассмеялся по-настоящему.

Мы шли уже больше часа. Ночь окончательно вступила в свои права. Костер давно погас позади, а впереди мерцали редкие огни какой-то деревни. Андрей доедал последний кусок лепешки.

— Не думай, что я иду с тобой навсегда, — сказал он.

— Не думаю.

— Просто провожу немного.

— Хорошо.

— Все равно домой не хочется.

Я усмехнулся.

— Там тебя никто не ждет?

— Ждут.

— Тогда почему не хочется?

Он помолчал.

— Потому что я знаю, что будет дальше.

— И что?

— Завтра отец разбудит меня до рассвета. Потом рыбалка. Потом снова рыбалка. Потом еще одна.

Я кивнул.

— А потом?

— Потом ничего.

Он пнул камень на дороге.

— У нас большая семья. Пять детей. Я младший.

— Пять? Неплохо.

— Неплохо для кого?

— Для твоих родителей.

Он рассмеялся.

— Это точно.

Некоторое время мы шли молча. Потом он сказал:

— Знаешь, что самое обидное?

— Что?

— Я даже не любимый сын. Отец всегда ставил старших выше. Особенно Федора. Он все умеет. Все делает правильно. Все его слушают. Я только и слышу: «Посмотри на Федора. Будь как Федор».

— А ты не хочешь быть как Федор?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро и поэтому искренне. Я улыбнулся.

— Тогда кем ты хочешь быть?

Он задумался.

— Не знаю, но точно не им.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Мы прошли еще несколько десятков шагов. Потом я спросил:

— А кто будет заботиться о родителях, когда они состарятся?

— Старшие братья.

Я покачал головой.

— Нет.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Почему?

— Потому что старшие почти всегда уходят строить свою жизнь.

— И что?

— А младшие остаются.

Он усмехнулся.

— Не в моем случае.

— Ты уверен?

— Конечно.

— Почему?

— Потому что я не собираюсь.

Я рассмеялся.

— Андрей, половина людей на свете живет жизнью, кото-

рую не собиралась жить.

Он собирался было возразить, но я продолжил:

— Посмотри сам. Ты младший сын. Ты уже кормишь семью. Твои родители привыкли рассчитывать на тебя. Через несколько лет ты встретишь девушку. Тебе скажут, что сначала нужно помочь семье. Потом скажут, что отец стареет. Потом заболеет мать. Потом появятся новые заботы. И однажды ты проснешься сорокалетним мужчиной и поймешь, что так и не нашел времени на собственную жизнь.

Он резко остановился.

— Хватит.

Я тоже остановился.

— Что?

— Хватит говорить так, будто все уже решено.

— А разве нет?

— Нет!

В его голосе появилась злость. Настоящая.

— Я не собираюсь жить с родителями до старости.

— Хорошо.

— Я не собираюсь всю жизнь ловить рыбу.

— Хорошо.

— Я добьюсь большего.

Я внимательно посмотрел на него.

— Чего именно?

Он открыл рот и не смог ответить. Потому что не знал.

Мы стояли посреди дороги. Вокруг стрекотали ночные на-

секомые. Где-то вдали лаяла собака.

— Вот видишь, — сказал я тихо.

— Что?

— Ты знаешь, от чего бежишь. Но еще не знаешь, к чему идешь.

Он долго молчал. Потом спросил:

— А ты знаешь?

Я улыбнулся.

— Нет.

— Тогда почему идешь?

— Потому что иногда лучше искать дорогу, чем всю жизнь стоять на месте.

Он посмотрел вперед. На темные холмы. На огни деревни. Потом снова на меня.

— Ладно.

— Что ладно?

— Провожу тебя до Капернаума.

— Только до Капернаума?

Он усмехнулся.

— Пока да.

Но по его голосу я уже понимал, что он врет. Не мне.

Себе.

До деревни мы добрались уже глубокой ночью. Последние несколько верст шли молча. Я видел, что Андрей устал. Ноги у него заплетались, а разговоры закончились еще час назад.

В темноте показались первые огни. Несколько домов. Сарай. Колодец. Собаки, которые тут же подняли лай.

— И это твой Капернаум? — проворчал Андрей.

— Нет. До него еще далеко.

— Тогда зачем мы сюда пришли?

— Потому что ночь.

— Хорошая причина.

Мы свернули к одному из домов. Я подошел к двери и постучал. Андрей посмотрел на меня с сомнением.

— Ты уверен, что здесь нас ждут?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь, что откроют?

— Не знаю.

Он закатил глаза.

— Когда-нибудь я привыкну к твоим ответам.

— Не советую.

За дверью послышались шаги. Затем скрипнул засов. На пороге появился седой мужчина. Некоторое время он вглядывался в темноту. Потом его лицо расплылось в улыбке.

— Иешуа!

— Доброй ночи, Симон.

— Я уж думал, тебя волки съели.

— Волки оказались осторожнее.

Старик рассмеялся. По-настоящему. Как смеются старым друзьям. Потом перевел взгляд на Андрея.

— А это кто?

— Андрей.

— Еще один бродяга?

— Пока нет.

— Значит, есть надежда.

Они оба рассмеялись. Андрей стоял рядом и ничего не понимал. Старик распахнул дверь шире.

— Заходите уже. На улице холодно.

Внутри пахло хлебом и дымом. В углу горела лампа. За столом сидела пожилая женщина. Она подняла голову.

— Это опять ты?

— Боюсь, что да.

— Никакого стыда у человека.

— Мне уже говорили.

Она покачала головой, но улыбнулась. Так улыбаются родственнику, который давно стал частью семьи.

— Садитесь. Осталось немного похлебки.

Андрей удивленно посмотрел на меня.

— Вы знакомы?

— Лет десять, наверное, — ответил старик.

— Одиннадцать, — поправила жена.

— Вот видишь, она считает лучше меня.

Через несколько минут перед нами уже стояли миски с горячей едой. Андрей ел молча, но внутри его головы явно велась напряженная беседа. Я знал этот взгляд. Он наблюдал, сравнивал. Пытался понять. Наконец он не выдержал.

— Вы родственники?

Старик едва не поперхнулся.

— Мы?

— Нет.

— Тогда почему пустили нас среди ночи?

— Потому что это Иешуа.

Будто это что-то объясняло. Андрей нахмурился.

— И что?

Старик посмотрел на меня. Потом снова на него.

— Несколько лет назад умер мой сын.

Андрей замолчал.

— После этого я почти ни с кем не разговаривал. Да и жить особенно не хотел.

Старик покрутил ложку в руках.

— А потом однажды вечером пришел этот бродяга.

Я усмехнулся.

— И что?

— Сначала съел мой ужин.

— Важная часть истории.

— Потом полночи сидел во дворе и слушал, как я жалуясь на жизнь.

Женщина улыбнулась.

— А под утро наш отец впервые за много месяцев рассмеялся.

Старик кивнул.

— Вот с тех пор и приходит время от времени.

В комнате повисла тишина. Андрей смотрел то на меня,

то на хозяев дома. Будто видел что-то впервые. Не чудо и не волшебство. Что-то другое, куда более странное.

Наконец старик поднялся.

— Ладно. Спать пора. Завтра поговорим о смысле жизни. Сегодня уже поздно.

Он отвел нас в сарай, где на полу лежали тюфяки. Когда дверь закрылась, Андрей еще долго не ложился. Сидел в темноте.

— Что? — спросил я.

— Ничего.

— Врешь.

Он помолчал.

— Я просто не понимаю.

— Чего именно?

— Ты не богат. Не чиновник, не жрец. У тебя нет дома. Нет земли, нет мастерской. Нет даже лодки, как у меня.

— Это правда.

— Тогда почему люди тебе помогают?

Я улыбнулся в темноте.

— Не знаю.

— Опять.

— Может быть, потому что когда-то помогли мне.

Он долго молчал. Потом лег на свой тюфяк.

— Станный ты человек.

— Мне уже говорили.

Через несколько минут его дыхание стало ровным. Он

уснул. Я еще долго смотрел в темноту. Тогда я еще не знал, что этот день Андрей будет вспоминать до конца своей жизни. Не потому, что встретил меня. А потому, что впервые увидел человека, который жил совсем не так, как все вокруг. И при этом не казался ни несчастным, ни потерянным. Скорее наоборот.

Словно именно он один и знал дорогу.

Глава 1. Начало

Утром нас разбудил запах свежего хлеба. Хозяева уже не спали. Старик возился во дворе. Его жена что-то готовила возле очага. Андрей вышел наружу раньше меня. Когда я появился, он уже разговаривал с высоким молодым мужчиной лет тридцати. Тот сидел на заборе и жевал яблоко. Он был заметно шире в плечах, чем большинство рыбаков во круг. Солнце давно сделало его кожу тёмной, а тяжёлая работа — крепкой каждую мышцу. Крупные ладони выглядели так, будто легко могли удержать весло целый день, а потом ещё столько же чинить сети. Лицо его нельзя было назвать красивым. Слишком широкие скулы. Слишком тяжёлый подбородок. Густая тёмная борода. Но во всём облике чувствовалась открытость человека, который привык смотреть собеседнику прямо в глаза.

— А вот и он, — сказал Андрей своему спутнику.

— Кто?

— Тот самый мудрец, о котором я говорил.

Молодой человек смерил меня взглядом.

— Этот?

— Этот.

— Выглядит обычно.

— Я тоже так подумал.

— И не ошибся.

Я улыбнулся. Молодой человек нахмурился. Кажется, он рассчитывал задеть меня сильнее.

— Симон, — представился он.

— Иешуа.

— Знаю.

— Откуда?

— Андрей про тебя рассказал.

Он спрыгнул с забора.

— Решил посмотреть лично.

— И как?

— Пока не впечатлен.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Да.

— Обычно люди пытаются меня переубедить.

— Зачем?

Он на секунду растерялся.

— Не знаю.

— Вот и я не знаю.

Андрей тихо рассмеялся. Симон бросил на него недовольный взгляд.

— Ты всегда такой?

— Какой?

— У тебя вид, такой, будто понимаешь больше остальных.

— Нет.

— А выглядит именно так.

— Это потому, что люди любят додумывать.

— Например?

— Например, сейчас ты решил, что я обиделся.

— А ты не обиделся?

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты не сказал ничего обидного. Да и что такое обида? Обида — это прежде всего непонимание. А я тебя прекрасно понимаю.

Симон посмотрел на Андрея.

— Он издевается надо мной?

— Не знаю. Может быть.

— Уже не нравится.

Мы вышли на дорогу. Симон пошел рядом. Поначалу я думал, что он скоро свернет домой. Но он продолжал идти. Через час тоже. Через два — тоже. Наконец я спросил:

— Ты куда-то направляешься?

— Пока с вами.

— Зачем?

— Любопытно.

— Хорошая причина. Ладно, пойдем, вместе веселее.

— Не обольщайся.

Он усмехнулся.

— Я все еще думаю, что ты обычный бродяга.

— Да, ты можешь так думать, — разрешил я, немного посмеиваясь.

— Тогда почему люди тебя слушают?

— Не знаю.

— А я думаю, знаешь.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Андрей снова рассмеялся.

— Прекрати ржать, — проворчал Симон.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что впервые вижу человека, который спорит с тобой лучше тебя самого.

Некоторое время мы шли молча. Потом Симон вдруг спросил:

— А кто был твоим отцом?

— Не знаю.

— Как это?

— Меня вырастил плотник.

— А настоящий?

— Не помню.

Симон ухмыльнулся.

— Так ты что, от Святого Духа появился?

Он явно ожидал смеха. Андрей даже поперхнулся водой. Я задумался.

— А почему бы и нет?

На этот раз засмеялся уже Симон.

— Отличный ответ.

— Ты задал странный вопрос.

— А ты дал странный ответ.

— Значит, мы квиты.

Некоторое время он шел молча. Потом покачал головой.

— Знаешь, что мне в тебе не нравится?

— Что?

— Ты никогда не споришь там, где другие начали бы спорить.

— Потому что люди редко меняют мнение во время спора.

— Тогда, когда меняют?

Я посмотрел на дорогу впереди.

— Когда начинают задавать себе вопросы.

Симон хотел ответить что-то колкое. Но почему-то промолчал. И впервые за все утро задумался.

— Слушай, а ты вообще умеешь обижаться?

Я посмотрел на Симона.

— Конечно.

— Что-то не похоже.

— Почему?

— Потому что я с самого утра над тобой издеваюсь.

— Не преувеличивай.

— Хорошо. Подшучиваю.

— Так лучше.

— Но ты даже не злишься.

— А должен?

— Обычно люди злятся.

Я некоторое время шел молча. Потом спросил:

— А зачем?

— Что зачем?

— Злиться.

— Потому что их обидели.

— Нет.

— В смысле нет?

— Обида и злость — разные вещи.

Симон нахмурился.

— Объясни.

— Если человек наступил тебе на ногу случайно, ты можешь обидеться?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он не хотел.

— Значит, дело не в поступке.

— А в чем?

— В том, что мы решаем, что нас хотели задеть.

Симон задумался.

— Допустим.

— А потом появляется обида.

— И что?

— А потом появляется желание ответить.

— Ну да.

— И тогда зло начинает размножаться.

Он усмехнулся.

— Размножаться?

— Конечно.

— Как овцы?

— Хуже.

Андрей рассмеялся. Я продолжил:

— Один человек злится на другого. Другой злится в ответ. Потом первый злится еще сильнее. Потом второй. И вот уже два человека уверены, что виноват кто-то другой. И даже бывает, что человек, которого разозлили не может ответить, тогда он пойдет, и наполненный гневом заденет кого-то еще третьего, а тот, не понимая настоящей причины — еще и четвертого. И так далее по цепочке. Вот так зло рождает еще большее зло. И изначальная причина — часто непонимание и приписывание другому несуществующих мотивов.

— Такое бывает.

— Постоянно.

— И что делать?

— Часто лучше вообще не отвечать никак.

— Отличный совет.

— Чтобы зло остановить, достаточно просто не продолжать.

— То есть терпеть?

— Нет. Терпеть, это когда ты не понимаешь причины происходящего, но временно смиряешься с этим непониманием. Хотя и это иногда помогает избежать большой драки.

— Тогда что?

Я поднял с дороги маленький камень и бросил его в сторону.

— Хорошо, допустим я тебя обозвал.

— Допустим.

— И ты не обиделся.

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что это твои слова.

Симон усмехнулся.

— А если я скажу что-нибудь действительно неприятное?

— Тогда это все еще будут твои слова.

— Но они тебя заденут.

— Возможно.

— Тогда ты разозлишься.

— Не обязательно.

— Почему?

Я посмотрел на него.

— Потому что злость похожа на угли.

— Угли?

— Да.

— Не понял.

— Если ты хочешь бросить в меня горящий уголек, кому придется держать его первым?

Симон задумался.

— Мне.

— Именно.

— И что?

— Чаще всего люди обжигают себя раньше, чем другого. Он несколько секунд молчал. Потом усмехнулся:

— Красиво сказано.

— И довольно часто правда.

— Значит, ты никогда не злишься?

— Злюсь.

— Но?

— Стараюсь не передавать дальше то, что получил сам.

— Почему?

— Потому что зло очень любит путешествовать.

— Опять ты про это.

— Потому что это правда.

Я посмотрел на дорогу.

— Один человек приходит домой злым. Кричит на жену. Жена кричит на ребенка. Ребенок пинает собаку. А собака кусает соседа. И каждый уверен, что виноват кто-то другой. На этот раз даже Андрей улыбнулся.

— Бедная собака.

— Вот именно.

— И что делать?

— Иногда достаточно, чтобы кто-то один остановился.

— То есть промолчал?

— Нет.

— Тогда что?

— Не позволил чужой злости поселиться внутри себя.

Я посмотрел на него.

— Если человек ударил тебя из злости, чего он ждет?

— Что я ударю в ответ.

— Именно.

— И?

— Тогда его злость получит подтверждение.

— Какое?

— Что мир такой же злой, как он сам.

— Но ты предлагаешь чушь! Это звучит, как если тебя ударят по одной щеке, то вместо ответа, надо подставить другую?

— Ну не настолько же буквально, — тут засмеялся я удачному сравнению.

— Насколько, — настаивал Симон.

Я не стал ничего отвечать. Так некоторое время мы и шли молча. Потом Симон не утерпел и все-таки спросил:

— А если не ударить?

— Тогда его злость останется только его злостью.

— И все?

— Иногда этого достаточно.

— А если он на этом не успокоится?

— Тогда придется защищаться.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Вот как?

— А ты думал, я предлагаю позволить всем себя избивать?

— Немного похоже.

Я усмехнулся.

— Нет, Симон. Защищать себя можно. Ненавидеть — необязательно.

Он долго молчал. Потом спросил:

— И ты правда так живешь?

— Стараюсь.

— И получается?

— Не всегда.

— А я уж подумал, ты особенный.

— Нет.

— Тогда зачем пытаться?

Я посмотрел на дорогу впереди.

— Потому что зло любит путешествовать от человека к человеку.

— И что?

— Кто-то должен однажды сказать ему: дальше не пойдешь.

На этот раз не засмеялся ни Андрей, ни Симон. Они оба шли молча. Очевидно было, что речь что-то затронула и вызвала интенсивные размышления.

Каждый вспоминал кого-то своего.

Пока мы шли и порядком подустали между моими спутниками разгорелся спор. Он вывел меня из задумчивости, и я остановился, чтобы посмотреть, что происходит.

— Да он тебя просто заболтал! — крикнул Симон.

— Лучше быть заболтанным, чем всю жизнь думать только о рыбе!

— А о чем еще думать?

— Хоть о чем-нибудь!

— Например?

— Например, о собственной жизни!

— Моя жизнь меня устраивает!

— Тогда почему ты уже второй день идешь с нами?

Симон шагнул вперед.

— Потому что интересно!

— Врешь!

— Что?!

— Врешь!

Толчок получился сам собой. Андрей толкнул первым. Симон толкнул в ответ. Через мгновение оба уже катались по земле, поднимая пыль. Ослы на соседнем поле испуганно шарахнулись в сторону. Я остановился и сел на камень у дороги. Через некоторое время Андрей заметил это.

— Ты что делаешь?!

— Сижу.

— Мы тут деремся!

— Я вижу.

Симон попытался удержать Андрея за плечо.

— Помоги лучше!

— Зачем?

Оба на секунду замерли.

— Затем!

— А что изменится?

— В смысле?

— Вы перестанете злиться?

Никто не ответил. Борьба продолжилась еще несколько секунд, потом Андрей вырвался. Симон поднялся.

— Продолжайте. — подбодрил я их.

Они переглянулись.

— Продолжать?

— Конечно.

— Зачем?

— Теперь мне интересно, чем закончится.

Симон нахмурился.

— Тем, что я ему врежу.

— Хорошо.

— Потом он мне.

— Тоже хорошо.

— Потом кто-нибудь победит.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы оба проиграете.

На несколько секунд повисла тишина.

— Это еще почему?

— Потому что каждый из вас уже забыл, из-за чего начал.

Они переглянулись. И почти одновременно поняли, что я

прав.

— Он назвал тебя дураком? — спросил я у Андрея.

— Нет.

— Тогда что?

— Ничего.

— А тебя он ударил первым?

— Нет.

Я повернулся к Симону.

— А ты?

— Что я?

— Ты помнишь, почему разозлился?

Он открыл рот и не смог ответить, потому что не помнил.

— Вот видите.

Я пожал плечами.

— Зло вообще довольно глупое. Оно редко помнит, зачем пришло.

Оба тяжело дышали. Я по-прежнему сидел на камне.

— Посмотрите на себя. — продолжал я. — Пять минут назад вы были друзьями. Теперь готовы друг другу носы ломать. Что изменилось? Мир? Нет. Только мысли в ваших головах. И вот так начинаются войны. Сначала человек думает, что защищает свою гордость. Потом деревню. Потом город. Потом народ. А в конце уже никто не помнит, кто был обижен первым.

Андрей и Симон молчали некоторое время, переваривая услышанное.

— Ну? — спросил я спустя некоторое время.

— Что ну? — спросил Симон.

— Полегчало?

Они молчали.

— Стало легче?

— Нет, — ответил Андрей.

— Ты убедил его?

— Нет.

— А ты?

Симон отвернулся.

— Тоже нет.

Я кивнул.

— Тогда зачем вы это делали?

— Потому что он меня разозлил.

— А он?

— Потому что этот осел меня разозлил!

— Хорошо.

Я со вздохом поднялся и посмотрел на них.

— Гнев похож на пожар. Сначала человек разводит его, чтобы согреться. А потом уже сам не понимает, почему вокруг все горит.

Некоторое время никто не говорил. Потом Симон сплюнул пыль.

— Знаешь, что самое неприятное?

— Что?

— Похоже, ты опять прав.

— Это не самое неприятное.

— А что?

— То, что завтра вы снова поссоритесь.

На этот раз рассмеялся даже Андрей.

Некоторое время мы шли молча. Симон потирал ушибленное плечо. Андрей время от времени бросал на него косые взгляды. Похоже, оба уже жалели о драке, но никто не собирался признаваться первым.

Наконец Симон нарушил молчание.

— Ладно.

— Что ладно?

— Допустим, ты прав.

— В чем именно?

— В том, что драка была глупой.

— Это несложно заметить.

— Не перебивай.

Я улыбнулся.

— Продолжай.

— Если все так просто, почему никто об этом не говорит?

— О чем?

— О том, что злость порождает новую злость.

Я пожал плечами.

— Говорят.

— Кто?

— Матери своим детям.

— Не считается.

— Почему?

— Потому что матери говорят много всякого.

— А отцы?

— Еще больше.

Андрей тихо хмыкнул. Симон покачал головой.

— Нет, серьезно. Если это такая важная вещь, почему жрецы не учат этому каждый день?

— Они учат другому.

— Чему?

— Законам.

— А правители?

— Правители думают о власти.

— Богачи?

— О деньгах.

— Рыбаки?

— О рыбе.

— А ты?

Я посмотрел вперед. Дорога уходила за холм. Над ней кружила одинокая птица.

— Я много ходил.

— И что?

— Когда человек долго идет один, ему становится скучно думать о других.

— А о чем он думает?

— О себе.

Симон усмехнулся.

— Это называется эгоизм.

— Сначала да.

— А потом?

— Потом понимаешь, что устроен примерно так же, как все остальные люди.

Он задумался.

— И поэтому ты понимаешь, что чувствуют другие?

— Иногда.

— И все?

— Иногда этого достаточно.

Симон некоторое время молчал. Потом спросил:

— А как ты вообще до этого дошел?

— До чего?

— До всех этих мыслей.

— Я наблюдал.

— За людьми?

— За собой.

Симон рассмеялся.

— Отлично. Значит, ты просто много думал о себе.

— Конечно.

— И не стыдно?

— А почему должно быть?

— Потому что это самолюбование.

— Нет.

— А что?

— Исследование.

Он нахмурился.

— Не понял.

— Когда ты хочешь понять реку, ты наблюдаешь за рекой.

— Логично.

— Когда хочешь понять овцу, наблюдаешь за овцой.

— С этим тоже трудно поспорить.

— А когда хочешь понять человека?

Симон замолчал.

— За человеком?

— Именно.

— Но ты наблюдал за собой.

— Потому что себя легче всего увидеть.

— И что ты увидел?

Я немного подумал.

— Что люди очень похожи друг на друга.

— Не сказал бы.

— Правда?

— Конечно.

— Ты хочешь есть?

— Сейчас нет.

— А утром хотел.

— Хотел.

— Андрей тоже хотел.

— И что?

— Ты боишься боли?

— Как и любой человек.

— Андрей тоже.

— Допустим.

— Ты хочешь, чтобы тебя уважали?

Симон поморщился.

— Ну...

— Хочешь.

— Возможно.

— Андрей тоже.

Я посмотрел на обоих.

— Большая часть того, что вы считаете своей уникальностью, встречается почти у каждого человека.

— Звучит обидно.

— Зато полезно.

— Почему?

— Потому что тогда начинаешь понимать других.

Некоторое время слышались только шаги. Потом Симон спросил:

— Хорошо. Допустим, я понял. Но как перестать злиться?

— А зачем переставать?

Он удивленно посмотрел на меня.

— Ты же сам только что говорил...

— Я говорил не это.

— Тогда что?

— Что не нужно позволять злости управлять тобой.

— Разница есть?

— Огромная.

— Объясни.

— Когда ты разозлился на Андрея, ты выбирал злиться?

— Нет.

— Конечно нет.

— Тогда что я мог сделать?

— Замечать.

— Что замечать?

— Сам момент.

— Какой момент?

— Когда злость только появляется.

Симон фыркнул.

— И что это даст?

— Очень много.

— Например?

— Ты увидишь, что между чувством и поступком есть небольшое пространство.

— Пространство?

— Да.

— И что?

— В нем ты свободен.

На этот раз даже Андрей поднял голову.

— Не понял.

— Злость приходит сама. Страх приходит сам. Обида приходит сама.

— А что приходит не само?

— Решение.

Мы продолжали идти.

— Ты не можешь запретить себе почувствовать гнев.

— Тогда какой смысл?

— Но ты можешь решить, что делать дальше.

— И это так просто?

— Нет.

— Тогда почему ты говоришь так спокойно?

Я улыбнулся.

— Потому что это трудно.

— Очень смешно.

— А кто обещал, что будет легко?

Симон вздохнул.

— Иногда мне кажется, что ты знаешь ответы на все вопросы.

— Нет.

— Тогда почему твои ответы звучат так уверенно?

Я посмотрел на него.

— Потому что большинство из них я нашел на собственных ошибках.

В этот раз никто не засмеялся. Потому что впервые за весь разговор я не прозвучал как мудрец. Я прозвучал как человек. И именно это почему-то убеждало сильнее всего.

Мы остановились на отдых, развели костер. Огонь потрескивал. Симон ковырял палкой угли. Андрей доедал остатки

лепешки. Я смотрел на пламя.

— Знаете, что меня всегда удивляло?

— Что? — спросил Андрей.

— Люди очень любят давать советы.

— А что в этом плохого?

— Ничего.

— Тогда почему удивляет?

— Потому что советы редко помогают.

Симон усмехнулся.

— Ты сейчас оставишь без работы половину мудрецов.

— Возможно.

— И почему не помогают?

— Потому что люди путают понимание и изменение.

— Не вижу разницы.

— Конечно не видишь.

Симон бросил в костер веточку.

— Объясни.

— Хорошо.

Я посмотрел на него.

— Ты знаешь, что злиться плохо?

— Знаю.

— А перестал злиться?

— Нет.

— Вот и ответ.

Андрей улыбнулся, а Симон нахмурился.

— Это нечестно.

— Почему?

— Потому что некоторые вещи трудно изменить.

— Именно.

Некоторое время слышно было только потрескивание дров. Потом я продолжил:

— Люди думают, что поступают так, как решили.

— А разве нет?

— Не всегда.

— Тогда почему?

Я подобрал веточку и начал рисовать на земле круги.

— Представь телегу.

— Представил.

— Она каждый день ездит по одной и той же дороге.

— И что?

— Со временем колеса оставляют глубокую колею.

— Ну да.

— Потом идет дождь. Потом еще один. Потом еще.

— И?

— И телеге уже трудно ехать в другую сторону.

Симон задумался.

— Ты хочешь сказать, что люди похожи на телеги?

— Немного.

— Обидное сравнение.

— Зато полезное.

Андрей тихо засмеялся.

— Каждый раз, когда ты одинаково реагируешь на что-то,

ты оставляешь колею внутри себя.

— Какую еще колею?

— Привычку.

— Например?

— Тебя оскорбили. Ты разозлился. Разозлился — накричал. Накричал — стало легче. Тело запоминает реакцию. В следующий раз повторит то же самое.

— А если я буду себя контролировать?

— Тут есть варианты. Может быть получится. Может быть не сразу. А может и вовсе не получиться.

— Почему так?

— Это зависит оттого, насколько старая колея глубока.

Симон нахмурился.

— Значит, человек вообще не может измениться?

— Может.

— Но ты только что сказал...

— Я сказал, что это трудно.

Я посмотрел на огонь.

— Очень трудно.

Некоторое время никто не говорил. Потом Андрей спросил:

— И что делать?

— Ничего.

Симон расхохотался.

— Великолепный совет.

— Я серьезно.

— Нет, правда?

— Да.

— Когда тебя захлестывает злость?

— Да.

— Когда хочется ответить?

— Да.

— Когда внутри все кипит?

— Именно тогда.

— И что делать?

— Ничего. Не делать ничего — это тоже действие. Только другое, не то, к которому мы привыкли.

Оба смотрели на меня так, словно я окончательно сошел с ума. Я улыбнулся.

— Вот поэтому большинство людей меня не понимает.

— И не надейся, что сейчас поймем.

— Когда приходит сильное чувство, люди сразу начинают действовать.

— Конечно.

— А я предлагаю сначала остановиться.

— И стоять как дурак?

— Как скала.

Симон закатил глаза.

— Опять красивые слова.

— Представь море.

— Представил.

— Волны бьются о скалу.

— И?

— Скала не дерется с волнами.

— Потому что она скала.

— Именно.

— Не вижу связи.

— Чувство похоже на волну. Оно приходит. Нарастает.

Шумит. Требуется что-то сделать. А потом уходит.

Андрей задумался.

— Само?

— Почти всегда.

— Не верю.

— Потому что ты привык помогать ему оставаться.

— Как это?

— Ты начинаешь спорить с ним. Подкармливать его мыслями. Вспоминать обиду. Придумывать ответ. Разжигать его.

— И тогда оно становится сильнее?

— Конечно.

Я кивнул на костер.

— Если не подбрасывать дрова, что произойдет с огнем?

— Потухнет.

— Именно.

Наступила тишина, довольно долгая. Наконец Симон покачал головой.

— Нет.

— Что нет?

— Не понимаю.

— Я знаю.

— Тогда зачем рассказываешь?

Я улыбнулся.

— Потому что однажды поймешь.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что вы оба уже начали наблюдать за собой.

Они переглянулись. И по их лицам было видно: нет, не начали. Во всяком случае, сами они так не считали. И тогда я понял то, что потом буду понимать еще много раз. Сказать человеку истину мало. Услышать ее мало. Даже согласиться мало. Каждый должен однажды увидеть ее внутри себя.

За другого этого сделать нельзя.

Той ночью Андрей и Симон уснули быстро. Я еще долго сидел возле догорающего костра. Пламя почти погасло. Над головой висели звезды. И почему-то вспомнился день, когда я впервые ушел из дома.

Тогда мне казалось, что весь мир находится где-то за горизонтом. А жизнь, которую для меня приготовили другие, проходит здесь. Без меня. Мой приемный отец хотел, чтобы я стал плотником. Он был хорошим человеком. Честным. Трудолюбивым. Но каждый раз, когда я брал в руки инструмент, мне казалось, что я строю чужую жизнь. Не свою.

Однажды утром я увидел караван. Он направлялся через пустыню. Я спросил, нужен ли им лишний человек. Они ска-

зали:

— Если умеешь работать.

Я ответил:

— Научусь.

Так началось мое первое путешествие. Поначалу мне казалось, что знание ждет меня за следующим холмом. Потом за следующим городом. Потом еще дальше. В каждом месте находился человек, который утверждал, что знает истину. Я слушал их всех. Одни говорили, что счастье приходит через богатство. Другие — через отказ от него. Одни учили поститься. Другие устраивали пиры. Одни восхваляли молитвы. Другие — молчание.

Я пробовал почти все. Неделями жил среди аскетов. Голодал. Медитировал. Учил дыхательные упражнения у старика, который утверждал, что человек дышит слишком быстро и потому не замечает жизнь. Несколько месяцев провел среди людей, считавших, что страдание очищает душу. Страдать у них получалось превосходно. С душой было сложнее.

Потом встретил философа, который мог часами рассуждать о природе мира, но почему-то постоянно ругался со своими слугами. Тогда я впервые задумался, что знание и мудрость — не одно и то же.

Годы шли. Я научился спать под открытым небом. Научился находить воду там, где другие проходили мимо. Научился понимать, когда человек говорит правду, а когда пытается убедить в ней самого себя. Самое главное — я научил-

ся слушать. Не отвечать, не спорить. Слушать. И постепенно заметил странную вещь. Люди везде были разными. Но их страхи были одинаковыми. И желания тоже. Все хотели любви. Все боялись смерти. Все надеялись, что их жизнь имеет смысл. Даже если говорили об этом разными словами.

Спустя много лет я решил вернуться домой. Мне казалось, что теперь я наконец понял что-то важное. Хотел увидеть родителей. Поблагодарить их. Хотел рассказать о своих путешествиях. Но когда я пришел в родные места, оказалось, что дом пуст. Соседи сказали, что они давно уехали. Куда именно — никто не знал. Я еще несколько дней искал следы. Расспрашивал людей. Потом перестал.

В тот вечер я сидел на холме и смотрел на закат. Так же, как сегодня. И впервые понял, что все эти годы искал не знания. Я искал место, куда можно вернуться. Но такого места больше не существовало. Поэтому утром я снова отправился в путь.

И с тех пор продолжаю идти.

Глава 2. Новые люди

Утро выдалось прохладным.

Мы провели ночь под навесом у знакомого хозяина, который встретил меня так, будто я был его родственником. Симон долго не мог понять, почему одни люди смотрят на меня с подозрением, а другие готовы бесплатно поделиться последним куском хлеба.

Я и сам не всегда это понимал. После завтрака хозяин отправился по своим делам, а мы сидели во дворе. Симон строгал ножом какую-то палку. Андрей задумчиво смотрел на дорогу. В какой-то момент он поднялся.

— Я скоро вернусь.

— Куда? — спросил Симон.

— За людьми.

— Какими людьми?

— Нормальными.

— Тогда нас троих вычеркивай.

Андрей усмехнулся и ушел.

Солнце уже поднялось высоко, когда на дороге показались три фигуры. Впереди шел Андрей. За ним двое мужчин. Оба примерно его возраста. Оба загорелые. Оба с тем самым взглядом людей, которые большую часть жизни проводят под открытым небом.

— Вот они, — сказал Андрей.

— Кто?

— Те самые.

— Ты говорил, будут нормальные люди.

— Они и есть нормальные.

— Тогда я начинаю переживать за весь мир.

Один из пришедших рассмеялся. Второй лишь покачал головой.

— Не слушайте его, — сказал Андрей. — Это Симон.

— Уже понял, — ответил высокий темноволосый мужчина.

— Я Иаков.

Он протянул руку.

— А это мой брат Иоанн.

Иоанн кивнул. В отличие от остальных, говорил он мало. Скорее наблюдал.

Иаков был выше Андрея, крепче сложен и заметно спокойнее Симона. Движения его были неторопливыми, уверенными, словно он давно привык сначала наблюдать, а уже потом действовать. На лице почти не отражались эмоции. Но взгляд выдавал внимательность человека, который редко вмешивается в разговор без необходимости. Он производил впечатление человека, способного долго молчать, а потом сказать одну фразу, после которой спорить уже не хотелось.

Иоанн был совсем ещё молодой юноша. Он был замет-

но моложе всех нас — лет двадцати с небольшим. Худощавый, почти ещё мальчишка, с длинными тёмными волосами и удивительно открытым лицом. Пока остальные внимательно слушали слова, он, казалось, больше всматривался в самого человека, который их произносил. В его взгляде почти не было настороженности. Скорее любопытство. И какая-то редкая способность доверять людям раньше, чем они успеют это заслужить. Так иногда смотрят дети или люди, которые ещё не успели разучиться удивляться.

— Значит, это тот самый мудрец? — спросил Иаков.

— Не называй его так, — проворчал Симон.

— Почему?

— Потому что ему нравится делать вид, будто он обычный человек.

— А он необычный?

— Пока не решил.

Я улыбнулся.

— Разумный ответ.

— Видите? — Симон развел руками. — Всегда так.

— Что именно?

— Никогда не спорит нормально.

— Может, потому что ты споришь за двоих? — заметил Андрей.

Иаков снова рассмеялся.

— Теперь понимаю, почему ты хотел нас познакомить.

— Да?

— Давненько не видел, чтобы кто-то ставил Симона в ту-пик.

— Это временно, — заявил Симон.

— Конечно.

— Я серьезно.

— Конечно.

— Прекрати.

— Конечно.

На этот раз засмеялись уже все, кроме Иоанна. Он внимательно смотрел на меня. Слишком внимательно. Словно пытался понять что-то, чего сам пока не мог сформулировать.

— Андрей говорил, что ты много путешествовал, — наконец произнес он.

— Немного.

— Он сказал — много.

— Андрей любит преувеличивать.

— Неправда, — возмутился Андрей.

— Правда.

— Неправда.

— Видишь? — сказал Симон братьям. — Теперь он спорит с ним.

— И часто так?

— Постоянно.

— Тогда, может быть, останемся на день-другой.

— Вот и я так подумал, — кивнул Симон.

Иаков посмотрел на брата.

— Что скажешь?

Иоанн пожал плечами.

— Послушаем.

— А потом?

— Потом решим.

Это был разумный ответ. Именно так обычно и начинается большая часть путешествий. Люди редко принимают решение изменить жизнь. Обычно они просто остаются еще на один день. Потом еще на один. Потом еще. А однажды обнаруживают, что прежняя жизнь уже осталась далеко позади.

Я посмотрел на моих четверых спутников. Они спорили о чем-то своем. Смеялись. Перебивали друг друга. И даже не замечали, что уже идут рядом по одной дороге. В тот момент никто из нас не мог знать, насколько долгим окажется этот путь. Но впервые я поймал себя на мысли, что иду уже не один.

В тот вечер мы остановились возле небольшой рощи. Развели костер. Поужинали. Разговор, как это обычно бывает, перескакивал с одной темы на другую. Сначала говорили о рыбалке. Потом о ценах на зерно. Потом почему-то о налогах. А от налогов всегда недалеко до политики.

— Все равно Ирод был сумасшедшим, — заявил Иаков.

— Почему? — спросил я.

— А разве нет?

— Не знаю.

— Как это не знаешь?

— Я его никогда не встречал.

Симон усмехнулся.

— Логично.

— Говорят, он приказал перебить младенцев, — продолжил Иаков.

— Из-за пророчества, — добавил Андрей.

— Какого еще пророчества?

— Ну этого...

Он замялся.

— Про нового царя.

— Волхвы ему предсказали, — пояснил Иаков.

— А потом он решил избавиться от ребенка.

Я не выдержал и рассмеялся. Все посмотрели на меня.

— Что смешного?

— Да сама история.

— Почему?

— Потому что вы представляете царя каким-то дураком.

— А разве нет?

— Нет.

— Тогда зачем он это сделал?

Я пожал плечами.

— Если вообще сделал.

— Ты не веришь?

— Верю, что некоторые дети могли пострадать.

— Но?

— Но не верю, что правитель начинает резню из-за рассказов странствующих колдунов.

— Тогда из-за чего?

Некоторое время я смотрел на огонь.

— Из-за людей.

— Очень содержательно.

— Большинство бед в мире происходит именно из-за людей.

Симон кивнул.

— Тут не поспоришь.

— Представьте, что до царя дошел какой-нибудь слух.

— Какой?

— Любой. Что где-то появился ребенок, способный испортить ему жизнь.

— Например, будущий царь?

— Или незаконный сын.

У костра стало тихо.

— Незаконный сын? — переспросил Андрей.

— А почему нет?

— Ты хочешь сказать...

— Я ничего не хочу сказать.

Я подбросил ветку в огонь.

— Просто подумайте. Что страшнее для правителя? Пророчество какого-нибудь волхва? Или живой человек, который однажды может предъявить права на его имя?

— Звучит разумнее, — признал Симон.

— Люди редко совершают безумства без причины.

— Даже цари?

— Особенно цари.

— А если причина сама безумна?

— Такое тоже бывает.

Все некоторое время молчали. Потом Иаков внимательно посмотрел на меня. Чересчур внимательно. Мне сразу не понравился этот взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Иаков.

— Да?

— О чем ты думаешь?

Он ухмыльнулся.

— А что, если тем ребенком был ты?

Симон чуть не подавился лепешкой.

— Вот именно! Я тоже об этом подумал!

— Вы оба ненормальные.

— Подожди.

Иаков уже вошел во вкус.

— Ты сам сказал, что твои родители тогда уехали.

— И что?

— И что ты не знаешь своего настоящего отца.

— И что?

— И что...

Он выдержал театральную паузу.

— Возможно, перед нами законный наследник Ирода.

Все расхохотались. Кроме меня. Я старательно делал серьезное лицо.

— Признавайся.

— В чем?

— Ты сын царя?

— Нет.

— Точно?

— Насколько мне известно.

— А если нет?

Я задумался.

— Тогда это многое объясняет.

— Например?

— Почему я так плохо разбираюсь в деньгах.

На этот раз засмеялся уже весь лагерь. Даже молчаливый Иоанн.

— Так кто же твой отец? — спросил Симон.

Я развел руками.

— Мы ведь уже обсуждали это.

— Обсуждали.

— И пришли к выводу.

— К какому?

Я улыбнулся.

— Что я родился от Святого Духа.

На этот раз смех не утихал еще очень долго.

А спустя много лет мне вдруг пришло в голову, что неко-

торые шутки живут дольше своих рассказчиков.

Той ночью я долго не мог уснуть.

Остальные уже спали. Лишь угли иногда вспыхивали красным светом. Почему-то вспомнилось детство. Очень смутно. Будто смотришь на дно колодца. Что-то видишь, но деталей уже не разобрать.

Я был совсем маленьким. Не помню даже сколько мне тогда было лет. Помню только испуганное лицо матери. И человека в одежде солдата. Он пришел поздно вечером. Долго разговаривал с родителями. Шепотом. Мне велели сидеть тихо. Я не понимал почему. Потом мать начала собирать вещи. Очень быстро, словно дом горел.

Помню обрывки разговора. Ирода. Каких-то детей. Опасность. Не знаю, что тогда происходило на самом деле, но помню чувство тревоги. Даже дети замечают такие вещи. После этого мы куда-то уехали. Или ушли. Этого я уже не помню.

Вообще странное у меня было детство. Мать всегда относилась ко мне так, словно я был сделан из стекла. Оберегала. Предупреждала. Следила за каждым шагом. Постоянно повторяла, что я особенный. Дети любят такое слушать. Но со временем это начинает утомлять, потом раздражать. А потом душить.

Наверное, именно поэтому я и сбежал с караваном, когда вырос. Хотел доказать самому себе, что являюсь обычным

человеком.

Мой приемный отец был совсем другим. Он редко меня ругал. Почти никогда не хвалил. И вообще держался на расстоянии. Словно не знал, что со мной делать. Иногда мне казалось, что он меня не любит. Но сейчас я думаю, что дело было не в этом. Скорее он чего-то опасался. Даже когда сердился, никогда не поднимал на меня руку. Никогда. Хотя других мальчишек в деревне воспитывали гораздо строже.

Еще была одна странность. Примерно раз в год приходил человек. Иногда в одежде городской стражи. Иногда просто в хорошей одежде. Он всегда разговаривал только с Иосифом. Недолго. После чего оставлял небольшой мешочек с деньгами. Я несколько раз спрашивал, кто это.

Мне отвечали:

— Не твое дело.

На этом разговор заканчивался. Тогда я не понимал, почему взрослые так не любят простые вопросы. Теперь понимаю. Чаще всего потому, что сами не знают ответа. Или не хотят его знать.

Когда я решил уйти с караваном, Иосиф не стал меня удерживать. Даже не пытался. Только долго молчал. Потом ушел в дом. А когда вернулся, протянул мне тяжелый кожаный мешочек. Я заглянул внутрь. Там было больше денег, чем я когда-либо держал в руках.

— Откуда это? — спросил я.

Он отвел взгляд.

— Какая разница?

— Большая.

— Иногда лучше не знать.

Это были почти последние слова, которые я от него услышал. На следующее утро я ушел. Денег хватило примерно на год. Потом пришлось учиться зарабатывать самому. И лишь много лет спустя я вдруг понял одну вещь. Я так и не узнал, кем был мой настоящий отец. Не узнал, зачем приходили те люди. Не узнал, почему мать так боялась за меня. Не узнал, откуда у Иосифа взялись деньги на мое путешествие.

Но чем старше становился, тем меньше меня волновали эти вопросы. Потому что люди слишком часто ищут ответы о своем прошлом. Словно там спрятана разгадка их жизни.

А потом оказывается, что жить все равно приходится в настоящем.

Ночь стояла до странности тихая. Остальные давно спали. Я лежал возле почти погасшего костра и смотрел в темноту. Сон не шел. Воспоминания о детстве все еще крутились в голове.

В какой-то момент мне показалось, что лес стал другим. Сначала я не понял почему. Потом заметил. Стихли сверчки. Птицы тоже молчали, словно что-то спугнуло их.

Я медленно сел. Несколько секунд прислушивался. Треск. Совсем слабый. Где-то между деревьями. Потом еще один. И еще. Кто-то приближался. И этот кто-то был явно не в оди-

ночестве.

Я поднялся и подошел к спящему Симону. Тронул его за плечо.

— Что?

— Тихо.

Он сразу сел. Сон слетел с него мгновенно.

— Что случилось?

— Кажется, у нас гости.

Через минуту уже никто не спал. Мы едва успели подняться на ноги, когда из темноты выскочили люди. Их было человек шесть или семь. Лица замотаны тряпками. В руках дубинки и ножи. Они явно рассчитывали застать нас врасплох. Не получилось. Первого нападавшего Симон встретил так, что тот отлетел обратно в кусты. Второй налетел на Андрея. Третий на Иакова. Началась короткая, шумная и совершенно беспорядочная драка.

К счастью для нас, рыбацкие сети и лодки делают людям крепкие руки. К несчастью для разбойников — тоже. Через несколько минут все было кончено. Нападавшие бросились бежать. Один прихрамывал. Другой держался за бок. Третий потерял где-то свой нож.

— Бегут! — крикнул Симон.

— И пусть бегут, — ответил я.

Он еще несколько секунд смотрел вслед разбойникам, потом махнул рукой.

— Да и ладно.

Иаков сидел на земле. На рукаве расползлось пятно крови.

— Сильно?

— Царапина.

— Покажи.

— Не надо.

— Покажи.

— Ты начинаешь раздражать меня своей заботой.

— Значит, жить будешь.

Все засмеялись. Напряжение понемногу уходило. И тут Иоанн заметил человека в траве.

— Эй.

Все обернулись. Один из разбойников остался лежать неподалеку. Молодой парень. Пожалуй, даже младше Иоанна. Он был без сознания и тяжело дышал. На вид ему было не больше двадцати лет. Худощавый, почти ещё юношеский, с тонкими чертами лица и тёмными волосами, выбившимися из-под повязки. Даже борода еще не начала у него появляться. В нём не было той грубой уверенности, которую часто видишь у людей, привыкших жить силой. Даже сейчас, лежа среди пыли и крови, он выглядел скорее потерянным, чем опасным. Его руки были испачканы грязью, но пальцы время от времени сжимались, будто даже во сне он пытался за что-то держаться.

Симон нахмурился.

— Оставим.

Я уже шел к нему.

— Слышал?

— Слышал.

— Он только что пытался нас ограбить.

— Да.

— Возможно, убить.

— Возможно.

— Тогда зачем?

Я присел рядом и осторожно осмотрел голову. Кожа рас-
сечена, но череп вроде цел.

— Затем, что он жив.

— Пока.

— Именно.

Я достал из сумки небольшой сверток. Андрей вздохнул.

— Опять твои травы.

— Они работают.

— Иногда.

— Обычно.

— Иногда.

Я улыбнулся.

— Помоги лучше.

Некоторое время мы молча занимались раненым. Промы-
ли рану, перевязали. В общем, сделали все, что могли. На-
конец парень застонал и открыл глаза. Сначала он не понял,
где находится. Потом увидел нас и попытался отползти.

— Спокойно.

Он смотрел на меня как на сумасшедшего.

— Почему?

— Что почему?

— Почему вы мне помогаете?

Симон фыркнул.

— Вот хороший вопрос.

Парень перевел взгляд на остальных.

— Вы же должны были...

Он замолчал.

— Должны были что?

— Добить меня.

Некоторое время никто не говорил. Потом я пожал плечами.

— Зачем?

— Потому что я ваш враг.

— Нет.

— Нет?

— Ты человек, который напал на нас. Это не одно и то же.

Он явно не понял. Честно говоря, остальные тоже. Я видел это по их лицам. Особенно по Симону. И тем более, по Иакову, которому этот человек несколько минут назад пытался воткнуть нож под ребра.

— Ты ведь сам говорил про зло, — наконец произнес Симон.

— Говорил.

— Тогда почему не оставить его здесь?

— Потому что зло уже остановилось.

— Где?

Я посмотрел на раненого. Потом на остальных.

— Зло остановилось в нас. А он... он лежит на земле. Мы стоим на ногах. Чего еще вы хотите?

Никто не ответил. Потому что ответ у каждого был свой. А у некоторых его не было вовсе.

На следующий день бывший разбойник шел вместе с нами. Никто не знал, надолго ли, даже он сам. Голова у него была перевязана. Шел он молча, постоянно отставая на несколько шагов, словно опасался подходить ближе. Симон несколько раз оборачивался. Потом не выдержал.

— Ты собираешься убежать?

— Нет.

— Тогда чего плетешься?

Разбойник пожал плечами.

— Привычка.

— Какая еще привычка?

— Держаться подальше.

— От кого?

— От людей.

Симон посмотрел на него как на сумасшедшего.

— Ты же разбойник.

— Был.

— Какая разница?

Тот некоторое время молчал, потом ответил:

— Большая.

Я заметил, что он почти не смотрит никому в глаза и почти никогда не начинает разговор первым. Словно заранее ждет осуждения или удара. Так ведут себя люди, которые давно перестали считать себя хорошими.

С некоторым запозданием, я спросил его имя. Он сказал, что его зовут Нафанаил.

К вечеру мы добрались до небольшой деревни. Едва мы вошли на главную улицу, как навстречу нам выбежал пожилой мужчина.

— Иешуа!

Я узнал его не сразу. Зато он узнал меня мгновенно.

— Давид?

— А кто же еще?

Он обнял меня так, словно мы были родственниками.

— Сколько лет прошло?

— Не знаю.

— Три? Четыре?

— Возможно.

— Ты опять исчез.

— У меня такая привычка.

Старик рассмеялся. Потом заметил остальных.

— А это кто?

— Попутчики.

— Тогда всех ко мне.

- Неудобно.
- Перестань.
- Нас много.
- Тем более.

Через час мы уже сидели во дворе его дома. На столе появилась еда. Потом еще еда. Потом пришли соседи. Потом родственники соседей. Потом еще какие-то люди.

Нафанаил наблюдал за этим с откровенным недоумением. Наконец не выдержал.

- Почему?
- Что почему?
- Почему они тебя так встречают?

Я посмотрел на шумную компанию.

— Потому что я давно их знаю.

— И все?

— А что еще нужно?

— Не понимаю.

— Когда-то давно я помог Давиду с больным сыном.

— Ты врач?

— Немного.

— А еще?

— Когда-то помог чинить крышу.

— Еще?

— Рассказывал истории о местах, где бывал.

— И за это тебя кормят?

— Иногда.

Нафанаил нахмурился.

— Странно.

— Что именно?

— Люди не делают добро просто так.

Я улыбнулся.

— Иногда все же делают.

— Нет.

— У меня другой опыт.

— Нет.

— Тогда почему тебя не доби́ли вчера ночью?

Он замолчал, на этот раз надолго, потом отвернулся. Я знал этот взгляд. Так выглядит человек, который уже вынес себе приговор и теперь ищет доказательства своей вины во всем вокруг.

Некоторое время мы сидели молча. Потом Давид попросил меня рассказать о путешествиях. И я начал вспоминать. Про пустыню, про караваны, про города за горами, про море, которое кажется бесконечным, про людей, говорящих на незнакомых языках, про мудрецов, которые спорили о смысле жизни. И про дураков, которые были уверены, что уже нашли ответ.

Люди слушали внимательно. Иногда смеялись, иногда удивлялись, задавали вопросы. Я рассказывал это сотни раз. Но вдруг поймал себя на странной мысли. За столом сидело уже пятеро человек, которые шли со мной из деревни в деревню. Еще недавно я путешествовал один. Теперь рядом

постоянно находились люди. Они спорили, смеялись, злились, не соглашались со мной. И, однако все равно почему-то продолжали идти следом.

Я посмотрел на них: на Андрея, на Симона, на Иакова, на Иоанна. На Нафанаила, в конце концов. И впервые задумался: а что будет, если однажды их станет еще больше? От этой мысли почему-то стало немного тревожно. Потому что я никогда никого за собой не звал.

Но люди все равно приходили.

Глава 3. Матвей

Позже меня не раз спрашивали, хотел ли я всего этого. Толп людей, постоянных вопросов, споров. Славы. Если бы этот вопрос задали мне в молодости, я бы, наверное, ответил иначе. Когда человеку двадцать лет, ему кажется, что он рожден для чего-то большого. Он мечтает оставить след, стать известным, чтобы о нем говорили, чтобы его помнили.

Чтобы его жизнь оказалась важнее жизни остальных.

Я не был исключением. Когда-то и мне хотелось чего-то подобного. Я много путешествовал, много учился, много искал. И где-то глубоко внутри надеялся однажды найти такое знание, которое изменит мир.

Теперь даже смешно вспоминать об этом. Потому что с возрастом начинаешь хотеть совсем другого. Тишины. Хорошего разговора. Теплого ночлега. Куска хлеба. Возможности спокойно смотреть на закат и знать, что тебя никто не ищет.

За годы странствий я встретил немало людей, которых считали пророками. Некоторые были мудрыми, некоторые — безумцами, большинство — и теми, и другими одновременно. Но объединяло их одно: рано или поздно вокруг них собиралась толпа. А затем появлялись проблемы. Потому что толпа всегда привлекает внимание. Сначала любопытных, потом недовольных. Потом властей.

Власть вообще очень не любит неизвестность. Если де-

сять человек собрались вокруг костра — это компания друзей. Если сто человек собрались вокруг костра — это уже вопрос для чиновника. Если тысяча человек собралась вокруг костра (видимо костер этот стал слишком большим) — это проблема для правителя. Не потому, что люди обязательно замышляют что-то плохое. А потому, что любой правитель обязан спросить: «Что они задумали?»

И чем больше людей следует за одним человеком, тем чаще задают этот вопрос.

Я понимал это давно. И именно поэтому меня начинало тревожить то, что происходило. Еще недавно мы путешествовали втроем. Потом вчетвером. Потом впятером. Теперь нас уже узнавали в деревнях. Люди приходили послушать разговоры. Задавали вопросы. Оставались рядом дольше, чем собирались.

Пока это выглядело безобидно. Но я слишком долго жил на свете, чтобы верить в безобидность человеческого внимания. Раз уж зашла речь про костры, то популярность похожа на костер. Пока огонь маленький — он согревает. Но стоит огню разрастись и оказаться слишком близко — начинаешь обжигаться.

В тот вечер я еще не знал, что очень скоро к нашей компании присоединится человек, который изменит все. Не потому, что был самым мудрым. И не потому, что был самым преданным. А потому, что первым догадался записывать наши разговоры.

Его звали Матвей.

Впервые я увидел Матвея в небольшой деревне возле торговой дороги, в которой мы имели неосторожность задержаться на несколько дней. Тогда я еще не знал его имени, зато сразу заметил, что он не похож на остальных. Прежде всего возрастом. Большинство людей, которые путешествовали рядом со мной, были молоды. Им хотелось приключений, хотелось понять мир, хотелось найти себя. Матвей выглядел человеком, который давно нашел себя и не испытал от этого никакой радости.

Ему было за тридцать. Черные волосы уже начинали редеть на висках. Окладистая борода придавала ему вид человека серьезного и даже немного сурового. Одет он был лучше большинства жителей деревни. Что сразу вызвало подозрения у Симона.

— Этот мне уже не нравится.

— Почему?

— Слишком чистый.

— Странная причина.

— Обычно работает.

Позже выяснилось, что причина была совсем другой. Матвей собирал подати. Работа не самая почетная. Когда он появлялся на улице, люди старались здороваться вежливо. Но стоило ему пройти мимо, как вслед обязательно летело несколько недобрых слов. Сам он делал вид, что не замечает.

Хотя замечал. Еще как замечал.

В тот день мы сидели возле колодца. Несколько человек слушали очередную историю о путешествии через пустыню. Матвей остановился неподалеку. Постоял, послушал. Потом ушел. На следующий день появился снова. И еще раз.

На четвертый день я не выдержал.

— Если хочешь что-то спросить, спроси.

Он поднял взгляд от своих записей.

— Откуда ты знаешь, что я хочу спросить?

— Потому что уже три дня ходишь вокруг меня кругами.

Симон расхохотался. Матвей проигнорировал его.

— Хорошо. У меня действительно есть вопрос.

— Какой?

Он некоторое время молчал. Словно подбирал слова.

— Ты понимаешь, что говоришь необычные вещи?

— Иногда.

— Нет, я серьезно.

— Я тоже.

Он нахмурился.

— Тебя это совсем не беспокоит?

— Должно?

— Люди слушают.

— Вижу.

— Некоторые даже записывают.

Только тогда я заметил восковые таблички и небольшой свиток, которые он постоянно носил с собой.

— Значит, это твои записи?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы не забыть.

— Что именно?

— Все.

Я улыбнулся.

— Это плохая затея.

— Почему?

— Потому что всего не запишешь.

Матвей впервые за разговор улыбнулся.

— Уже понял.

Некоторое время мы молчали. Потом он неожиданно спросил:

— Ты знаешь, что большинство людей забудут твои слова?

— Конечно.

— Разве это тебя не беспокоит?

— А зачем мне беспокоиться об этом?

На этот раз задумался уже он. Довольно надолго.

— Потому что некоторые вещи не должны исчезнуть.

Я кивнул.

— Что ж, пожалуй, ты прав. Кто знает, может быть для этого ты здесь?

С того дня Матвей начал приходить чаще. Он не спорил как Симон, не задавал бесконечных вопросов как Андрей,

не молчал как Иоанн. Он наблюдал, слушал. Записывал. Порой мне казалось, что его интересую не я. А слова. Словно он уже тогда понимал что-то, чего не понимали остальные. Что человек смертен, а память ненадежна. Истории меняются от пересказа к пересказу. Но написанное иногда переживает даже своих авторов.

Через несколько дней, когда мы покидали деревню, Матвей отправился с нами в дорогу. Не потому, что ему надоела работа. Не потому, что искал истину. И даже не потому, что поверил в меня.

Просто однажды он посмотрел на свои записи и понял, что самые интересные страницы еще не написаны.

На третий день пути мы с Матвеем немного отстали от остальных. Впереди о чем-то спорили Симон и Иаков. Андрей пытался их мирить. Безуспешно. Иоанн, как обычно, наблюдал. Матвей шел рядом со мной и что-то записывал на ходу.

Я посмотрел на него.

— Ты всегда пишешь?

— Почти.

— Даже сейчас?

— Особенно сейчас.

— Почему?

— Память подводит.

— И записи не подводят?

— Подводят тоже, но реже.

Некоторое время мы шли молча. Потом я спросил:

— Как ты вообще стал сборщиком податей?

Он усмехнулся.

— Думаешь, об этом мечтают дети?

— Надеюсь, что нет.

— И правильно надеешься.

Матвей убрал табличку в сумку.

— Когда я был молодым, все выглядело иначе.

— В каком смысле?

— Меня в детстве научили грамоте. Я умел читать, умел писать, считать. По тем временам этого было достаточно, чтобы считать себя очень умным человеком.

— И что дальше?

— Дальше я решил, что меня ждет большое будущее.

Я улыбнулся.

— Звучит немного наивно.

— Теперь понимаю.

Он посмотрел вдаль.

— Мне казалось, что я обязательно получу хорошую должность. Буду работать при дворе, общаться с влиятельными людьми, заниматься государственными делами.

— А получилось?

Матвей безрадостно рассмеялся.

— Получилось именно так, как обычно и получается.

— То есть?

— Выяснилось, что умение писать — не главное.

— А что главное?

— Нужные знакомые. Нужная семья. Нужные связи. Нужные люди.

Я кивнул.

— Понимаю.

— Сомневаюсь.

— Почему?

— Потому что я вижу, что ты слишком долго путешествовал и вряд ли у тебя было время, чтобы заниматься карьерой.

Он помолчал.

— Люди думают, что нашей страной правит царь. Но я десять лет работал с бумагами. Я видел счета. Видел распоряжения. Видел людей, которые приезжали из Рима. И прекрасно понимал, кто на самом деле принимает решения.

— И это тебя разочаровало?

— Нет. Меня разочаровало другое.

— Что именно?

— Что я оказался никому не нужен.

Мы еще некоторое время шли молча. Потом он продолжил:

— Вместо дворца меня отправили собирать подати по деревням. Вот и вся карьера.

— Десять лет?

— Почти.

— И все это время один и тот же маршрут?

— Почти.

— Тяжелая работа.

— Скорее бессмысленная.

Он поднял с дороги камешек и швырнул его в кусты.

— Местные меня ненавидели. Римляне мне не доверяли.

Начальство считало ленивым. Крестьяне считали вором.

— А кем считал себя ты?

Матвей не ответил сразу.

— Неудачником.

Я посмотрел на него. Он произнес это спокойно. Но было какое-то напряжение, не вяжущееся с внешним видом. Словно повторял уже много раз.

— Били меня часто. Угрожали еще чаще. Иногда приходилось ехать в соседнюю деревню и думать, вернешься ты домой или нет.

— Ради нескольких монет?

— Ради нескольких монет.

— И прибыль была хорошей?

Матвей снова рассмеялся.

— Вот это самое смешное. Все думают, что сборщики податей купаются в золоте.

— А на самом деле?

— На самом деле недобор приходилось покрывать из своего кармана. Ошибся в расчетах — плати. Крестьянин сбежал — плати. Не смог собрать нужную сумму — плати.

— Выгодная должность.

— Именно.

Некоторое время слышались только наши шаги. Потом я спросил:

— Тогда почему ты не ушел раньше?

Прежде чем ответить, Матвей надолго погрузился в свои мысли, наводя там инвентаризацию.

— Потому что каждый год говорил себе одно и то же.

— Что именно?

— Еще немного, еще год, еще одна попытка, еще один шанс. Вдруг что-нибудь изменится.

Я улыбнулся.

— Дай угадаю, ничего не изменилось.

— Нет.

— Знаешь, что самое интересное?

— Что?

— Так живет большинство людей.

Матвей посмотрел на меня.

— Думаешь?

— Конечно. Люди годами ждут жизни, которая начнется завтра. А потом однажды понимают, что прожили сегодняшнюю. Может они и не хотят ничего менять, на самом деле. Или боятся.

Впереди Симон опять закричал что-то Иакову. Судя по тону, спор разгорался заново. Мы оба посмотрели в их сторону.

— Зато эти парни живут прямо сейчас, — неожиданно

сказал Матвей.

— Даже слишком активно.

Матвей впервые за весь разговор улыбнулся по-настоящему.

— Наверное, поэтому я и пошел с вами.

— Из-за них?

— Нет.

Он покачал головой.

— Из-за того, что впервые за много лет увидел людей, которые не ждут, когда начнется их жизнь.

И мне вдруг захотелось узнать, чем это закончится, но как ни крути, а предчувствия были не самые лучшие.

В тот день мы шли вдвоем. Остальные ушли вперед. Матвей что-то напевал на ходу, размышляя о своем. Потом вдруг спросил:

— Можно задать вопрос?

— Конечно.

— Ты веришь в Бога?

Я усмехнулся.

— В какого именно?

Он нахмурился.

— Что значит в какого?

— Ты спросил слишком широко.

— В Единого.

— В того, о котором рассказывают жрецы нашего народа?

— Ну да. Не римляне же. Те-то понятно, верят во всяких идолах.

Некоторое время я молчал. Матвей терпеливо ждал ответа.

— Нет.

Он остановился прямо посреди дороги.

— Нет?

— Нет.

— То есть ты не веришь?

— Я не верю в этого Бога.

Матвей смотрел на меня так, словно пытался понять, шушу я или нет.

— Осторожнее с такими словами.

— Почему?

— За них могут побить.

— Меня и за меньшие вещи били.

— Я серьезно.

— Я тоже.

Мы пошли дальше. Некоторое время Матвей молчал, потом все же спросил:

— Тогда почему?

— Потому что ваш Бог слишком похож на человека.

— Что в этом плохого?

— Все.

— Не понимаю.

Я поднял с дороги камень, покрутил его в руке.

— Посмотри на людей. Они придумывают богов по своему образу. Царь представляет небесного царя. Судья представляет небесного судью. Воин представляет небесного полководца. Отец представляет небесного отца.

— И что?

— И ничего. Кроме того, что каждый раз получается человек. Только очень большой.

Матвей задумался.

— Но Бог любит своих детей.

— Как хороший отец?

— Да.

— Наказывает непослушных?

— Да.

— Поощряет послушных?

— Да.

— Следит за каждым поступком?

— Да.

Я улыбнулся.

— Вот видишь.

— Что вижу?

— Ты только что описал очень влиятельного родителя.

Матвей покачал головой.

— Нет, это другое.

— Да ты что?

— Конечно.

— Тогда почему каждый народ придумывает себе бога,

похожего на себя?

Он не ответил. Потому что ответа у него не было. И снова некоторое время мы шли в угрюмом молчании. Потом я продолжил:

— Знаешь, что меня всегда удивляло?

— Что?

— Люди считают себя противниками идолопоклонства.

— А разве нет?

— Да, конечно, нет!

— Но мы не поклоняемся идолам.

— Уверен?

— Конечно.

— Тогда почему готовы убить друг друга из-за разных имен одного и того же бога?

Матвей нахмурился.

— Это другое.

— Нет. Если человек цепляется за образ сильнее, чем за истину, образ становится идолом. Если цепляется за книгу — книга становится идолом. Если цепляется за храм — храм становится идолом. Если цепляется за имя — имя становится идолом. И даже если цепляется за представление о Боге — даже оно может стать идолом.

Матвей остановился снова. На этот раз надолго.

— Ты понимаешь, насколько опасные вещи говоришь?

— Конечно.

— Тогда зачем говоришь?

Я посмотрел на далекие холмы.

— Потому что люди слишком часто поклоняются своим мыслям о мире. И слишком редко пытаются увидеть мир таким, какой он есть.

— Тогда во что веришь ты?

Это был хороший вопрос. Наверное, лучший за весь разговор. Я долго не отвечал. Потом сказал:

— Я верю, что существует нечто гораздо большее, чем способны придумать люди.

— И это Бог?

— Не знаю.

— Как это не знаешь?

— А почему должен знать?

Матвей растерянно улыбнулся.

— Потому что все остальные уверены.

— Именно поэтому я и сомневаюсь.

Некоторое время спустя, я заметил, что Матвей опять достал свои записи.

— Что ты делаешь?

— Пишу.

— Надеюсь, дословно.

— Стараюсь.

Я рассмеялся.

— Через много лет кто-нибудь обязательно поймет нас неправильно.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что люди всегда слышат не то, что сказано, а то, что готовы услышать.

Матвей ничего не ответил.

Только продолжил писать.

Матвей долго молчал после нашего разговора. Настолько долго, что я уже решил, будто тема исчерпана. Но вдруг он остановился посреди дороги.

— Знаешь, кто ты после всего сказанного?

— Даже боюсь спрашивать.

— Безбожник.

Я рассмеялся. Настолько искренне, что Матвей даже обиделся.

— Что смешного?

— Само слово.

— Почему?

— Потому что безбожников не существует.

— Еще как существуют.

— Нет.

Мы снова пошли вперед. Матвей хмурился.

— Ты только что сказал, что не веришь в Бога.

— Не в того Бога, которого описывают люди.

— Какая разница?

— Огромная.

— Тогда объясни.

Я некоторое время собирался с мыслями.

— Скажи мне, Матвей, ты встречал людей, которые называют себя неверующими?

— Конечно.

— И во что они верят?

— Ни во что.

— Правда?

Он пожал плечами.

— Разве не так?

— Нет.

Я покачал головой.

— Человек всегда во что-нибудь верит. Всегда. Если он отвергает одного бога, то ставит на его место другого.

— Например?

Я начал перечислять, загибая пальцы.

— Удачу. Случай. Судьбу. Звезды. Приметы. Деньги. Власть. Себя самого.

Матвей задумался.

— Не вижу здесь богов.

— Потому что ты представляешь бога только как старика на облаке.

Он недовольно посмотрел на меня.

— Я такого не говорил.

— Но думаешь примерно так.

— Возможно.

— Люди поклоняются чему угодно. Одни кланяются статуе. Другие кланяются золоту. Третьи — собственному от-

ражению. Разница невелика.

— И это тоже идолопоклонство?

— Конечно.

— Тогда выходит, все люди язычники?

Я улыбнулся.

— Почти.

Матвей потер бороду.

— А ты?

— Что я?

— Во что веришь ты?

На этот раз я ответил не сразу. Вопрос был хорошим. Наверное, слишком хорошим.

— Я верю, что существует нечто большее, чем человек.

— Бог?

— Возможно.

— Какое удобное слово.

— Возможно.

— Ты опять уходишь от ответа.

— Потому что не знаю ответа.

Матвей нахмурился.

— Но ты же столько путешествовал, столько учился, столько видел?

— Именно поэтому и не знаю.

Я посмотрел на дорогу впереди.

— Чем больше человек узнает, тем осторожнее становится с громкими заявлениями.

— Тогда что это за сила?

— Того не ведаю. Знаю, что она просто есть.

— Где она?

— Не могу сказать.

— Как выглядит?

— И не спрашивай.

— И тем не менее, ты в нее веришь?

— Да.

Он покачал головой.

— Это звучит странно.

— Возможно.

— Тогда почему ты веришь?

Некоторое время я молчал. Потом сказал:

— Потому что вижу следы.

— Какие следы?

— Люди меняются. Иногда вопреки самим себе. Иногда находят в себе силы, которых раньше не было. Иногда совершают поступки, которые невозможно объяснить выгодой. Иногда прощают там, где проща ненавидеть. Иногда жертвуют собой ради чужих. И всякий раз мне кажется, что в человеке есть нечто большее, чем просто человек с его «человеческой природой».

Матвей внимательно слушал.

— И это и есть Бог?

— Не знаю.

— Тогда что?

— Возможно, лишь малая часть чего-то огромного.

Я поднял с земли сухую ветку. Покрутил ее в руках.

— Если бы муравей жил на этой ветке, он бы решил, что знает весь мир. Но мир оказался бы гораздо больше.

Матвей усмехнулся.

— Значит, мы муравьи?

— В каком-то смысле.

— И все-таки ты веришь в Бога.

— Если тебе так удобнее называть это — да. Но не в старика, который сидит на небе и следит, кто правильно молится.

Матвей покачал головой.

— Жрецы бы тебя возненавидели.

— Некоторые уже.

— А остальные возненавидят позже.

— Тогда хорошо, что я не собираюсь становиться жрецом.

Матвей неожиданно улыбнулся, потом достал свои записи и начал что-то быстро писать.

— Надеюсь, ты записываешь правильно.

— Не беспокойся.

— Беспокоюсь.

— Почему?

— Потому что люди часто слышат совсем не то, что им сказали.

Матвей задумчиво посмотрел на меня.

— А если когда-нибудь услышат не то, что ты имел в ви-

ду?

— Тогда, — сказал я, — у них появится собственная история.

Матвей еще некоторое время шел молча. Потом снова посмотрел на меня.

— Значит, Бог не на небе?

— Почему обязательно на небе?

— Потому что так говорят жрецы.

— Они много чего говорят.

— Тогда где Он?

Я поднял взгляд. Солнце уже клонилось к закату. Длинные тени ложились на дорогу. Где-то вдалеке кричала птица. Ветер шевелил траву на склонах холмов.

— Здесь.

Матвей нахмурился.

— Где именно?

Я обвел рукой вокруг.

— Везде.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Он явно ожидал чего-то более определенного. Какого-нибудь откровения. Тайного знания. Слова мудреца. Но я лишь указал на дорогу под нашими ногами.

— Вот здесь.

Потом на небо.

— И там.

На дерево у обочины.

— И там.

На пролетающую над нами синицу.

— И там тоже.

Матвей покачал головой.

— Ты говоришь загадками.

— Нет.

Я остановился. Подождал, пока он посмотрит мне в глаза.

— Если существует нечто большее, чем мы сами, почему оно должно жить только в одном месте?

Он задумался.

— Не знаю.

— И я не знаю. Поэтому не стану придумывать.

Мы пошли дальше. Некоторое время слышался только скрип наших сандалий по дороге. Потом я сказал:

— Когда младенец улыбается матери, я вижу Бога. Когда старик поднимается утром, хотя каждый шаг дается ему через боль, я вижу Бога. Когда птица летит над морем и не знает, куда приведет ее ветер, я вижу Бога. Когда солнце опускается за горизонт и окрашивает весь мир золотом, я вижу Бога.

Матвей внимательно слушал.

— Значит, Бог — это все вокруг?

— Возможно.

— И мы тоже?

Я улыбнулся.

— Конечно.

— Даже я?

— Даже ты.

— Даже тот разбойник? Как его зовут? Нафанаил?

— И он.

— Даже Симон?

Я рассмеялся.

— Даже Симон.

Матвей тоже улыбнулся.

— Ему это понравится.

— Именно поэтому не говори ему.

Несколько мгновений мы оба молчали. Солнце почти скрылось за холмами.

— Значит, часть Бога есть в каждом человеке?

— Если хочешь, можешь назвать это так.

— Искра?

— Хорошее слово.

— И эта искра есть во всех?

— Во всех.

Матвей посмотрел на закат. Наверное, впервые за весь день не пытаюсь ничего записать.

— Тогда почему люди так часто поступают плохо?

Я пожал плечами.

— Потому что искру легко увидеть в других словах. Гораздо труднее — в самом себе.

Он задумался. А потом тихо произнес:

— Кажется, я начинаю понимать.

— Осторожнее.

— Почему?

— Обычно именно так начинаются самые большие заблуждения.

Матвей усмехнулся. И впервые за долгое время не достал свои записи. Мы просто шли вперед. Молча. Смотря, как вечер медленно опускается на землю. И если Бог действительно был где-то рядом, то в тот момент ему совсем не требовались ни храмы, ни жрецы, ни молитвы.

Достаточно было дороги, заката.

И двух людей, пытающихся понять мир чуть лучше, чем понимали его вчера.

К вечеру мы добрались до дома старого знакомого. Хозяин обрадовался мне так, словно я вернулся после долгой войны. Обнял. Засыпал вопросами. Тут же велел жене поставить на стол все, что было приготовлено на ужин. Дом был небогатый, но гостеприимный. На столе появились лепешки, сыр, тушеная чечевица, немного овощей и кувшин разбавленного вина. Мы расселись кто где смог.

Я заметил, как Андрей переглянулся с Симоном. Матвей сидел рядом с ними. По другую сторону устроился Нафанаил. Тот самый Нафанаил, который еще недавно промышлял разбоем. Симону это явно не нравилось. Наконец он не

выдержал.

— Скажи мне, Иешуа.

— Да?

— Тебя ничего не смущает?

— Например?

Он кивнул в сторону Нафанаила.

— Например это.

Нафанаил опустил глаза.

— Что именно?

— Ты знаешь что.

Я сделал вид, что не понимаю.

— Нет, не знаю.

Симон раздраженно вздохнул.

— Он разбойник. Бывший, конечно, но разбойник. А этот...

Он кивнул на Матвея.

— Подати собирал.

Матвей даже не поднял головы от миски. Видимо, подобные разговоры были ему привычны.

— И что дальше?

— А то, что мы сидим за одним столом.

Я посмотрел на хозяина дома. Тот растерянно переводил взгляд с одного на другого. Кажется, он тоже не понимал, к чему идет разговор.

— И что с того?

— Как что?

Симон развел руками.

— Разбойник. Сборщик податей. Рыбаки. Все вперемешку.

Я отломил кусок лепешки.

— И что?

— Да как ты не понимаешь?

Тут уже вмешался Андрей.

— Он хочет сказать, что некоторые люди лучше других.

— А. Теперь понял.

Я кивнул.

— И кто лучше?

Наступила тишина. Симон открыл рот. Потом закрыл.

— Ну...

— Кто?

Он замялся.

— Честные люди.

— А кто из сидящих за этим столом считает себя нечестным?

Никто не ответил.

— Тогда спрошу иначе. Кто из сидящих за этим столом ни разу не поступал плохо?

Снова тишина.

— Вот видишь.

Я сделал глоток вина.

— Люди очень любят вешать друг на друга ярлыки. Этот рыбак. Этот сборщик податей. Этот разбойник. Этот торго-

вещ. Этот пастух.

— А разве это неправда?

— Правда. Но только малая ее часть.

Я посмотрел на Нафанаила.

— Ты был разбойником?

— Был.

— А сейчас?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Стараюсь им не быть.

— Вот именно.

Потом перевел взгляд на Матвея.

— Ты собирал подати?

— Сбирал.

— И что теперь?

— Теперь иду с вами.

— Вот видишь.

Я снова повернулся к остальным.

— Люди меняются, но окружающие почему-то всегда замечают лишь то, кем человек был вчера, а не то, кем он пытается стать сегодня.

Андрей задумчиво крутил в руках кусок хлеба. Симон почесал бороду. Кажется, спорить ему уже не хотелось. Я улыбнулся.

— Для меня вы все одинаковые.

— Это как?

— Очень просто. Сегодня вы все голодны одинаково.

Устали одинаково. И получите одинаковую порцию ужина.

За столом раздался смех. Даже Матвей усмехнулся.

— Мудрость достойная пророка.

— Нет.

— А чего тогда?

— Хозяина хорошего трактира.

После этих слов рассмеялись уже все. Даже Нафанаил впервые за вечер улыбнулся. А спор сам собой закончился. Потому что трудно долго делить людей на лучших и худших, когда сидишь с ними за одним столом и ешь один и тот же хлеб.

Когда я принес доктору первые главы, он прочитал их быстрее, чем я ожидал. На следующий день тетрадь уже лежала у него на столе. Доктор постучал пальцем по обложке.

— Любопытная вещь получилась.

— Это комплимент?

— Пока не знаю.

Он открыл тетрадь где-то на середине.

— Откуда столько подробностей?

— Каких именно?

— Да всех. Как люди разговаривали. Что чувствовали. Как были одеты. Что ели.

Я пожал плечами.

— Понятия не имею.

— Так не бывает.

— Возможно.

Доктор посмотрел на меня поверх очков.

— Новый Завет читал?

— Когда-то.

— Когда последний раз?

— Лет двадцать назад.

— Серьезно?

— Seriously.

— А в детстве?

— Детский Новый Завет был. Помню картинки. Некоторые истории. Но не более того.

Доктор кивнул.

— Вот тебе и ответ.

— Какой?

— Подсознание. Оно любит такие штуки. Собирает старые воспоминания, перемешивает, достраивает недостающие части и получается история.

— Возможно.

Он прищурился.

— Ты со мной даже не споришь.

— А зачем?

— Обычно люди начинают доказывать, что видели истину.

— А я не знаю, что видел.

Доктор некоторое время молчал. Потом задал вопрос:

— В Бога веришь?

Я усмехнулся.

— В окопах атеистов нет.

Он рассмеялся.

— Старая солдатская поговорка.

— Потому что правдивая.

— Не уверен.

— Я тоже не уверен.

Некоторое время мы молчали. Потом я добавил:

— Когда рядом падают снаряды, начинаешь надеяться.

— На Бога?

— На что угодно. На удачу, на судьбу, на чудо. На то, что следующий снаряд прилетит не в тебя. В конце концов, чтобы не свихнуться приходишь к выводам, что где-то должен быть бог, который тебя убережет. Иначе зачем все это?

Доктор задумался.

— Значит, веришь?

— Теперь не знаю.

— Удобный ответ.

— Зато честный.

Он снова взял мою тетрадь. Полистал несколько страниц.

— А сам-то как считаешь? Это действительно был Христос?

Я посмотрел на исписанные листы.

— Не знаю.

— Опять не знаешь.

— Нет.

— Тогда что знаешь?

Я немного подумал.

— Что если это был сон, то слишком уж длинный.

Доктор усмехнулся.

— А если галлюцинация?

— Тогда слишком подробная.

Доктор ещё раз перелистнул несколько страниц рукописи.

Потом снял очки и задумчиво посмотрел на меня.

— Странная у вас получается книга, — задумчиво произнес он, неожиданно перейдя на «вы»

— Чем же?

— Вот тут ваш Христос говорит о Боге. Но при этом...

— он слегка постучал пальцем по страницам. — Он почти не молится. А ведь это было две тысячи лет назад, когда без молитвы даже за стол не сажались... У вас здесь подробные описания разговоров, быта того времени, но нет упоминания о религиозных отправлениях...

Я молчал, а доктор продолжил:

— Более того... никто у вас не молится. Ни ученики, ни сам Христос. Он будто вообще не ждёт помощи свыше.

Я улыбнулся.

— Потому что не ждал.

Доктор нахмурился.

— Не верил?

— Верил. Но совсем не так, как привыкли понимать это люди.

— Объясните.

Я немного подумал.

— Посмотрите вокруг. Каждый человек просит. Дай здоровья. Дай денег. Дай победу. Дай счастье. Дай дождь. Дай урожай. Дай... Дай... Дай...

Доктор молча слушал.

— Но ведь если человек не меняется сам... какой смысл просить изменить мир вокруг него?

Он ничего не ответил. Я продолжил:

— Мне кажется, именно поэтому Христос почти никогда не молился. Он не просил Бога сделать за людей то, что они должны сделать сами. Он учил не просить, он учил становиться.

Доктор задумчиво потер подбородок.

— Тогда что же для него была молитва?

— Наверное... сам разговор с собственной совестью. Не просьба, не сделка. Не попытка перекричать остальных. А честный взгляд внутрь себя. Если человек после молитвы остаётся прежним, значит, это были всего лишь красивые слова.

Доктор надолго задумался. Потом негромко произнёс:

— Вы понимаете, что после такой книги верующие вас возненавидят?

Я пожал плечами.

— Если человек испугается вопроса, значит, он и без моей книги не слишком был уверен в своём ответе.

Доктор со вздохом закрыл тетрадь.

— Ладно. Пишите дальше.

— Вам настолько интересно узнать, чем закончится история?

Доктор покачал головой.

— Историю Христа я и так знаю.

— Тогда что вас интересует?

Он посмотрел на меня внимательно.

— Я пытаюсь понять, откуда она взялась у тебя.

И вот на этот вопрос у меня ответа не было.

Глава 4. Креститель

Мы остановились в небольшом городке Вифсаида, неподалеку от озера.

Место было шумное, прибрежное, сюда стекались рыбаки, торговцы и те, кто жил с дороги.

Дом, где нас приютили, стоял чуть в стороне от главной улицы. Хозяин был человеком простым, но добрым — из тех, кто не задает лишних вопросов, если видит усталых путников у порога.

К вечеру во дворе уже горел огонь. Кто-то чистил рыбу, кто-то резал хлеб, кто-то просто сидел, глядя в пламя, будто пытался в нем что-то увидеть о себе самом.

И вот тогда появился он. Я заметил его не сразу. Он стоял у забора, чуть поодаль, в пыли с дороги. Молодой, крепкий, с руками человека, привыкшего к камню. Не рыбак, это чувствовалось сразу. Такие руки не пахнут сетью и рыбой — они пахнут известью и пылью строек. Он наблюдал за нами, но не подходил.

— Кто это? — тихо спросил Андрей.

Я посмотрел в его сторону.

— Пусть подойдет сам.

Он подошел не сразу. Сначала дождался, пока кто-то из местных ушел, потом шагнул ближе.

— Меня зовут Филипп, — сказал он. — Я из этого города.

Работаю на стройке.

Никто ничего не ответил сразу. Он посмотрел на нас, потом на еду. И снова на меня.

— Можно спросить?

Я кивнул. Он помолчал, подбирая слова.

— Вы странные.

— В каком смысле?

— Вы не похожи на тех, кто живет рядом. Не похожи на торговцев, не похожи на жрецов и не похожи на нищих.

Он усмехнулся, но без уверенности.

— Но при этом вы... как будто свободные.

Симон фыркнул.

— Свободные?

— Да.

— Попробовал бы ты не работать — посмотрел бы, насколько ты свободный.

Филипп не ответил, он смотрел на меня и в этом взгляде было что-то знакомое. Не вера, не уверенность, а скорее усталый вопрос.

— Скажи, — наконец сказал он, — а как вы живете? Вот так... постоянно в дороге?

Я не торопясь отломил кусок хлеба.

— А ты видел птиц?

Он моргнул.

— Птиц?

— Да. Конечно видел.

— Они пашут?

Филипп нахмурился.

— Нет.

— Жнут?

— Я не понимаю...

— И все же они сыты?

Он усмехнулся.

— Бывают сыты.

— Бывают, — повторил я.

— А бывают и нет.

— Бывают и нет.

Я кивнул.

— Но ты не видел, чтобы они строили амбары на завтра.

Филипп молчал. Андрей смотрел на меня так, будто уже догадывался, куда я веду.

— Я не говорю, что не нужно работать, — продолжил я.

— И не говорю, что завтрашнего дня нет. Но скажи мне... сколько ты уже работаешь на своей стройке?

Филипп пожал плечами.

— Давно.

— И стало ли спокойнее? Перестал ли ты беспокоиться о завтрашнем дне?

Он чуть усмехнулся.

— Нет.

— Вот и ответ.

Я посмотрел на огонь.

— Птицы не живут без заботы о дне завтрашнем. Они просто не делают из этой заботы хозяина над собой. Поэтому да, ты прав, в чем-то мы свободнее, чем ты.

Наступила пауза. Филипп сел чуть ближе, но все еще не совсем с нами.

— А если еды не будет? — спросил он.

— Тогда не будет.

— И вы не боитесь?

Симон хотел что-то сказать, но я остановил его взглядом.

— Боимся, — ответил я спокойно. — Как все. Но страх не должен решать, куда ты идешь.

Филипп опустил взгляд. Некоторое время молчал, переваривая услышанное, потом спросил тише:

— А можно... с вами?

Симон хмыкнул, Андрей усмехнулся, а Матвей, как обычно, ничего не сказал, но внимательно наблюдал. Я посмотрел на Филиппа.

— Дорога не держит никого. И не обещает ничего.

Филипп кивнул.

— Я понимаю.

— Нет, — сказал я. — Пока нет.

Он поднял глаза.

— Но я пойму?

Я улыбнулся.

— Если пойдешь.

Он выдохнул, будто принял решение, которое давно уже

было принято внутри него.

— Тогда я иду.

И в этот момент он уже не выглядел строителем. И не выглядел случайным человеком у забора.

Просто еще один, кто услышал разговор и понял, что назад он уже не очень хочет.

Мы остановились у реки недалеко от дороги. Вода была холодной, прозрачной, с быстрым течением. После пыли и жары это казалось почти подарком. Все сразу разошлись по берегу. Кто-то мыл руки, кто-то стирал одежду, кто-то просто сидел, опустив ноги в воду. И в этом коротком спокойствии вдруг снова возникло то, что я уже начинал узнавать в людях слишком хорошо.

Спор.

— Я вчера дежурил, — сказал Андрей.

— Ты дежурил вечером, — ответил Симон. — А ночь была моя очередь.

— Ночь я не трогал, я устал.

— Мы все устали.

Голос стал резче. Филипп поднял голову от воды.

— Подождите...

Но его уже не слушали. Матвей молча отряхивал руки, наблюдая, как спор начинает разрастаться. Даже Нафанаил, обычно тихий, что-то буркнул про несправедливость. Я сидел чуть в стороне. Слушал, почти без удивления. Проблема

всегда появляется одинаково. Сначала люди объединяются словами. Потом начинают жить вместе. А потом выясняется, что слово «вместе» каждый понимает по-своему.

— Достаточно, — сказал я.

Не громко, но так, чтобы услышали. Спор затих не сразу, но затух.

— Мы договорились о дежурстве, — продолжил я. — Значит, оно будет.

— Но кто первый? — спросил Андрей.

Я пожал плечами.

— Это не имеет значения.

— Как это не имеет? — Симон уже снова начинал заводиться.

— Очень просто.

Если никто не хочет начинать, значит, никто не понял, зачем это нужно. Они переглянулись. Филипп тихо сказал:

— Я могу первый.

Все посмотрели на него: он не выглядел уверенным, но и не спорил, а просто сказал. И это почему-то остановило остальных лучше любых слов. Симон хмыкнул.

— Ладно. Тогда после него я. Потом Андрей. Потом остальные.

Так оно и пошло. Я смотрел на них и думал, что люди легко идут за словами о свободе, но гораздо труднее учатся этой свободой пользоваться.

Позже, когда мы снова тронулись в путь, я поймал себя на

простой мысли. Собрать людей оказалось не самым сложным. Я даже ничего для этого не делал специально, но стал привыкать, что теперь скитаюсь не один. Сложнее было не потерять их в самом процессе. И, возможно, именно для этого им был нужен не только тот, кто говорит.

Но и тот, кто хотя бы пытается удержать порядок в том, что неизбежно начинает расползаться.

Речка была той же, но настроение — совсем другим. Людей почти не было. Лишь несколько костров, пара странников и шум воды, который казался громче обычного. Я заметил его сразу. Иоанн Креститель стоял у воды, как будто никуда и не уходил с прошлого раза. Он повернулся, и на мгновение в его взгляде исчезла вся жесткость, которую я помнил.

— Ты пришел, — сказал он.

— Я не уходил, — ответил я.

Он усмехнулся. И впервые за долгое время шагнул навстречу. Мы не пожали руки — просто встретились так, как встречаются люди, которые уже слишком много понимают друг о друге.

— Ты стал собирать вокруг себя людей, — сказал он.

— Они сами собираются, — ответил я.

— Это ты так говоришь.

— А ты?

Он пожал плечами.

— Я зову их остановиться. Очиститься, вернуться к простому.

Я посмотрел на воду.

— А если человек не грязный?

Он усмехнулся, но без насмешки.

— Тогда он просто еще не видел себя.

Мы сели ближе к огню и разговор пошел легче, чем раньше. Как будто между нами исчезло то напряжение, которое обычно возникает у людей, уверенных, что они несут истину.

— Человек изначально испорчен, — сказал он спокойно.

— Так устроен мир. Если не давить на него, он уходит в хаос.

Я покачал головой.

— Человек не испорчен. Он просто не понимает, что делает.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— И ты думаешь, это понимание спасает?

— Не спасает, но меняет направление.

Пауза была короткой, но плотной. В ней не было спора, только разница подходов.

— Ты все еще веришь, что можно изменить человека словом? — спросил он.

— Я видел, что слово уже меняло людей.

— Не всех.

— Конечно. Но и страх не меняет всех.

Он кивнул, как будто принял этот ответ, но не согласился с ним до конца.

— У тебя стало больше людей, — сказал он.

— У тебя тоже.

— Мои идут за очищением.

— Мои — за пониманием.

Он улыбнулся.

— А куда они придут?

Я пожал плечами.

— К себе.

В тот вечер мы сидели у самой воды. Ученики постепенно затихли: кто-то спал, кто-то дремал возле костра. Лишь мы с Иоанном продолжали говорить. Он смотрел на течение. Я бросал в воду мелкие камешки.

— Скажи мне, Иешуа, — произнес он наконец. — Что такое свобода?

— Не знаю.

Он усмехнулся.

— Ты единственный человек из всех, кого я встречал, который отвечает «не знаю» прежде, чем начинает рассуждать.

— Потому что обычно люди сначала придумывают ответ, а потом пытаются подогнать под него мир.

Он кивнул.

— И все же?

Я немного подумал.

— Свобода — это когда человеком перестает управлять то, чего он сам не замечает.

— Например?

— Страх. Жадность. Гнев. Тщеславие. Привычки. Убеждения.

Иоанн покачал головой.

— Нет. Это следствия. Причина глубже. Мне видится это так: человек рождается испорченным, поэтому всю жизнь вынужден бороться с собой.

Я улыбнулся. Этот спор был старше нас обоих.

— А я думаю иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.